
ПОКА НЕ
ПОГАСНУТ
ОГНИ

Диана Эверли

Пока не погаснут огни

«Автор»
2026

Эверли Д.

Пока не погаснут огни / Д. Эверли — «Автор», 2026

Пять лет назад Вера уехала учиться, а Кирилл остался в городе у моря. Они не смогли сказать друг другу самого важного — и решили, что больше не встретятся.Теперь старому эллингу гребного клуба грозит перестройка, и Вера возвращается с проектом, который может сохранить детям доступ к воде. Кирилл по-прежнему капитан команды и не собирается доверять её обещаниям только потому, что когда-то любил её.Им предстоит вместе готовиться к регате, спорить о будущем берега и бороться с желанием, которое оказалось сильнее пяти лет молчания. Но чтобы дать друг другу второй шанс, придётся рискнуть не только сердцем: у каждого из них есть собственная жизнь и право выбирать её самому.

© Эверли Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. вода под полом 6
Глава 2. ранняя вода 16
Глава 3. план берега 26
Глава 4. то, что осталось 39
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Диана Эверли
Пока не погаснут огни

Пока не погаснут огни
Современный любовный роман

Глава 1. вода под полом

Вера узнала, что вернулась домой, не по вокзалу и не по знакомому повороту к морю. По шву на воротах эллинга: кто-то заварил старую трещину криво, оставив блестящую неровную линию, похожую на молнию. В детстве она проводила по этому шву ногтем и придумывала, что дверь однажды расколется и выпустит наружу всё, что люди здесь спрятали.

Теперь ворота не открывались вовсе.

Она поставила сумку на мокрые доски причала, упёрлась плечом в створку и толкнула. Дерево ответило коротким скрипом. С другой стороны что-то упало, потом раздался мужской голос:

— Если ты собираешься вынести дверь, сначала предупреди. Я почти закончил её чинить.

Вера убрала руку. По ту сторону щёлкнул засов. Дверь отворилась на ширину ладони, и в щели появился Кирилл Ланской.

Пять лет она представляла их встречу слишком много раз. В одних версиях он извинялся, в других она произносила спокойную, остроумную фразу и уходила, оставляя его на ветру с осознанием собственной ошибки. Ни в одной версии у него не было отвёртки за ухом, тёмного свитера, закатанного до локтей, и тонкой полосы древесной пыли на щеке.

— Привет, — сказала Вера.

Кирилл смотрел так, словно не был уверен, что за дверью действительно она. Потом вынул отвёртку и отступил.

— Надежда Сергеевна сказала, ты приедешь завтра.

— Автобус сегодня оказался дешевле.

— Аргумент, который трудно оспорить.

Она вошла. Эллинг пах морской водой, старым лаком и мокрой сосной. Над длинным помещением висели лодки, перевёрнутые светлыми днищами вверх. Под потолком протянулись балки; на одной осталась красная метка, которую Вера когда-то нарисовала мелом, доказывая Кириллу, что сможет забраться выше него.

Тогда она сорвалась с третьей перекладины и отделалась синяком. Он поймал её не потому, что был быстрее, а потому, что всё время стоял внизу и спорил.

— Крыша течёт в трёх местах, — сказал Кирилл. — Пол у восточной стены лучше не трогать. Дети здесь пока не занимаются.

— Надежда Сергеевна писала про одно место.

— После её письма были ещё два дождя.

Вера прошла вдоль стены, стараясь не смотреть на него. У дальней стойки стояла детская двойка без вёсел. Под ней кто-то оставил пластиковое ведро. На дне блестела вода.

— Я могу посмотреть балки? — спросила она.

— Ты для этого сюда и приехала.

— Это не ответ. Я не собираюсь осматривать здание без человека, который отвечает за безопасность.

Он кивнул, словно оценил не вопрос, а то, что она подождала. Раньше Вера всегда поднималась первой. Раньше Кирилл всегда шёл за ней и сердился уже после того, как она спускалась.

Он принёс лестницу и сам проверил крепление. Вера поднялась на несколько ступеней, подсветила соединение фонарём и провела пальцем по потемневшей древесине. На поверхности осталась влажная крошка.

— Локальная гниль. Возможно, дальше сухо, но без вскрытия не скажу.

— Это дорого?

— Проверить или исправить?

— Отлично. Уже два счёта.

Она улыбнулась раньше, чем смогла остановиться. Кирилл увидел. Его лицо изменилось: в уголках глаз появились тонкие складки, и на мгновение она узнала мальчишку, который однажды притащил на берег неисправный фонарь и заявил, что они смогут зажечь его без электричества.

Они не смогли. Зато просидели под дождём до полуночи, потому что никто не хотел первым предложить уйти.

Вера спустилась. На нижней ступени лестница чуть качнулась, и Кирилл положил ладонь на её талию. Движение было коротким, привычным, почти деловым. Она успела почувствовать тепло его руки сквозь куртку и собственное раздражение от того, как быстро тело узнало это прикосновение.

— Я держу лестницу, — сказал он.

— Лестница подо мной.

Он сразу убрал руку.

— Прости.

— Спасибо, что придержал.

Между словами осталось больше, чем они сказали. Вера отошла к окну и открыла блокнот. На первой странице у неё был список: обследование, доступность причала, документы на землю, расчёт ремонта. Следом она дописала: «Проверить, кто и когда менял расписание детских секций».

Вера собиралась снова подняться по лестнице, но в конце помещения что-то стукнуло. Не резко — словно деревянная планка мягко соскользнула с опоры. Кирилл обернулся и направился к дальней стойке.

— Подожди здесь.

— Это просьба или команда?

— Привычка. Я проверю, потом покажу.

Он заглянул за ряд лодок и присел. Вера подошла на расстояние, с которого могла видеть его руки. На полу лежала тонкая планка, а за ней стояла скамья с облупившейся синей краской. Один её край просел; под ножкой лежал старый деревянный клин.

— Ничего опасного, — сказал Кирилл. — Мы вынесли часть вещей с чердака перед дождём. Похоже, я поставил доску неустойчиво.

Вера провела пальцами по краю скамьи. Она узнала едва заметную царапину на спинке — неровную звезду, которую когда-то вырезал кто-то из старших ребят. Кирилл тогда утверждал, что это знак тайной команды. Вера пыталась добавить к звезде вторую, но нож соскользнул, и получилось нечто похожее на кривую ветку.

— Мы сидели на ней после регаты, — сказала она.

— После той, где Макс уронил медаль в воду?

— Он не уронил. Он хотел проверить, плавает ли она.

— Версия Макса меняется каждый год.

Кирилл поднял доску, поставил её за стойку и подложил под ножку скамьи клин. Вера присела с другого края, чтобы придержать. Он протянул ей руку, когда она собиралась встать, — привычное движение. Она посмотрела на ладонь и приняла помощь.

Раньше это не требовало никакой мысли. Теперь простое соприкосновение ощущалось слишком долго, хотя пальцы разошлись сразу. Вера заметила, что на его правой руке появился небольшой шрам у костяшки. Она не знала, откуда он, и это незнание неожиданно показалось ей более серьёзным, чем все новые мышцы на его плечах и переменившийся голос. За пять лет с человеком происходят тысячи вещей, о которых никто не обязан сообщать бывшей возлюбленной.

— Скамью можно ещё использовать? — спросила она.

— Если заменить ножку и проверить крепления. Надежда Сергеевна хочет поставить её у воды.

— На солнце краска быстро выцветет.

— Тогда скажи ей, что нужна другая краска. Она сможет обсуждать оттенок три часа.

— Мы обсуждали его три дня, когда красили раздевалки.

— И в итоге выбрали цвет, который был в наличии.

— Это называется компромисс.

Он улыбнулся, но тут же посмотрел на стену над стойкой. По доске тянулась тёмная полоса, которой Вера раньше не заметила. Она поднялась ближе и приложила салфетку к поверхности. На бумаге осталась влага.

— Эта вода идёт сверху или через стену? — спросила она.

— После сильного дождя тут темнеет. Надежда Сергеевна думает, что с крыши.

— Нам лучше проверить оба варианта. Если вода попадает в шов между досками, одной заплатой на крыше не обойдётся.

Кирилл принёс фонарь. Вера посветила вдоль стены и увидела, что часть доски отходит на несколько миллиметров. Она не стала отрывать её: за доской могли проходить провода, а состояние креплений было неизвестно. Вместо этого сделала снимок и попросила Кирилла показать, где находится распределительный щит.

Он повёл её через узкий проход к маленькой подсобке. Дверь заклинило. Кирилл потянул за ручку, потом упёрся коленом в нижний край и осторожно сдвинул створку.

— Ты собираешься чинить все двери лично? — спросила Вера.

— Только те, которые пытаются победить меня при свидетелях.

В подсобке пахло металлической пылью и сухой краской. Щит оказался на противоположной стене, вдали от мокрого участка. Кирилл показал отметки на автоматах и журнал осмотров. Электрик делал проверку три месяца назад; запись была подписана и датирована.

— Это уже хорошо, — сказала Вера. — Но сырость всё равно нужно показать специалисту, особенно если будем снимать обшивку.

Она развернулась и задела сумкой ящик, стоявший у стены. С крышки посыпались маленькие бумажные карточки. Несколько упали под стеллаж.

— Прости.

— Ничего. Это старые абонементы.

Вера присела, чтобы собрать карточки. На одной было напечатано «Секция начальной подготовки» и год, который совпадал с её последним летом в городе. Рядом от руки вписали имя девочки и список занятий. На обороте кто-то нарисовал лодку с непропорционально большим солнцем.

— Я помню её, — сказала Вера. — Маша. Её старший брат всё время приходил за ней раньше и рассказывал, что заблудился по дороге из школы.

— Он пытался посмотреть на вашу команду. Потом сам записался.

— Правда?

— Три года тренировался. Сейчас работает инструктором в соседнем городе.

Вера перевернула ещё одну карточку. На обороте была отметка о пропуске соревнований из-за болезни, дата и короткое «добавить занятие». Не число лайков, не результат для отчёта — чьё-то обещание, что ребёнок не останется позади только потому, что его неделю не было.

— Надежда Сергеевна не выбрасывает такие вещи? — спросила она.

— Она пыталась. Потом увидела рисунки и решила сначала сделать фотографии. Потом у неё сломался телефон, а когда появился новый, началась регата. В общем, карточки пережили три попытки их рассортировать.

Вера собрала оставшиеся в коробку. Одна лежала на полу лицевой стороной вверх. На ней была её фамилия.

Она не сразу подняла её. Фотография в уголке выцвела; пятнадцатилетняя Вера смотрела прямо в камеру, с мокрой чёлкой и таким выражением, будто собиралась выиграть спор ещё до того, как его начали.

— Я это не подкладывал, — сказал Кирилл.

— Жаль. Я уже подумала, что у тебя появился тонкий план.

— Мой тонкий план сегодня состоял в том, чтобы открыть дверь, прежде чем ты её сломаешь.

Она провела пальцем по краю карточки. В графе результатов стояли даты тренировок, а внизу — подпись отца Кирилла. Он тогда помогал с младшей группой и всегда писал цифры слишком крупно, как будто хотел, чтобы их можно было прочесть с другой стороны воды.

— Он учил нас причаливать, — сказала Вера.

— Знаю.

— Я дважды врезалась в понтон.

— Трижды.

— На третий раз понтон был виноват.

— Он так и записал в журнале. «Понтон не уступил дорогу».

Вера подняла глаза. Кирилл смотрел на карточку, и лицо у него стало сосредоточенным, каким было у людей, которые не ожидают, что память настигнет их среди рабочего дня. Она хотела спросить, хранит ли он тот журнал, но пока не решилась: пять лет нельзя перескочить одним вопросом.

— Можно я поставлю это на стол Надежде Сергеевне? — спросила она.

— Конечно. Она решит, как хранить.

Он взял коробку. Вера пошла следом, но на пороге его телефон завибрировал. Кирилл поставил коробку на скамью и ответил. Вера слышала только его половину разговора: «Нет, я не обещал… После тренировки смогу… Если до шести не успею, скажу заранее».

Он убрал телефон.

— Прости. Максу нужно отвезти дочку после занятий. Мы поменяемся, чтобы он успел.

— Ты тренируешь взрослых и младших?

— У младших помогаю два утра в неделю. Основной тренер — Ольга, она сегодня на соревнованиях с другой группой.

— И ещё работаешь здесь?

— Это не всегда три отдельные вещи. Иногда одно и то же называют разными словами, чтобы не спорить о расписании.

Он сказал это легко, но Вера заметила под глазами усталость. Ей захотелось спросить, когда он отдыхает. Она остановила себя: забота не давала права требовать отчёт. Вместо этого показала на скамью.

— Если её будут переносить, лучше сначала снять спинку. Так будет легче и меньше риск, что крепление сорвётся.

— Я покажу Максу. Он всё равно попытается поднять её целиком.

— А ты?

— Я бы попытался вместе с ним.

Она рассмеялась. Он задержал взгляд на её лице, и смех сам собой стал тише.

— Ты выглядишь иначе, — сказал он.

— Это очень осторожная формулировка.

— Я не знаю, какая будет правильной.

— А честная?

Он посмотрел на её волосы, собранные зажимом, на карандаш за ухом, на руки в древесной пыли.

— Ты стала увереннее. И всё ещё смотришь на плохую конструкцию так, будто можешь её уговорить перестать быть плохой.

— Конструкции не слушают уговоров.

— Я помню твою попытку договориться с дверью.

Она взяла его отвёртку со стола и протянула ему. Он не сразу забрал; их пальцы на мгновение оказались на одном инструменте. Вера почувствовала тепло его кожи, сухое движение большого пальца и то, как он неподвижно смотрит на неё. Она могла бы отпустить отвёртку раньше. Не отпустила.

— А ты стал спокойнее, — сказала она.

— Это тоже осторожная формулировка?

— Честная. Ты раньше непременно доказал бы, что дверь открывается силой.

— Я попробовал. Она победила.

Он наконец взял отвёртку. Вера отвернулась к блоку бумаг, чтобы не показывать, как сильно её сбило с мысли это короткое касание. На листе с предварительным обследованием оставалось достаточно пустого места. Она начертила маленькую схему стены и указала влажный шов.

— Нужно отметить доступ к щиту и попросить специалиста осмотреть участок, — сказала она. — До этого ничего не вскрываем.

— Записал.

— И зону под скамьей. Там мокрая доска.

— Тоже.

Он говорил спокойно, но она слышала его дыхание ближе, чем нужно для обсуждения схемы. Кирилл наклонился над столом, и его плечо почти коснулось её руки. Вера чувствовала желание сделать крохотное движение и проверить, что будет. Вместо этого отвела карандаш от бумаги.

— Нам лучше измерить проход вместе, — сказала она. — Чтобы ты мог показать, как вы носите лодки.

— Сейчас?

— Если у тебя есть пять минут.

Он посмотрел на часы и кивнул. Они взяли рулетку, вышли к воротам и отметили ширину открытой створки. Кирилл показал, где двое спортсменов держат лодку и почему один из них не может просто шагнуть в сторону, если дверь открыта не полностью. Вера записала длину и попросила показать разворот ещё раз.

— Представим, что ты несёшь нос, — сказал он.

— А ты корму?

— Да. И между нами очень дорогая вещь, которую нельзя уронить.

— Мне нравится, как ты объясняешь приоритеты.

Они медленно прошли от стойки к двери, удерживая воображаемую лодку. У порога Вера почти столкнулась с Кириллом, когда он остановился раньше, чем она ожидала. Он положил руки ей на плечи, чтобы она не поскользнулась на мокром полу. На секунду они стояли лицом к лицу. Его пальцы сжались совсем немного и сразу ослабли.

— Здесь и проблема, — сказал он.

— Я вижу.

Она видела дверь, мокрый порог и его губы. В этом было слишком много информации для одного измерения. Кирилл тоже замолчал. За воротами кто-то чихнул; затем раздался знакомый звон ключей Надежды Сергеевны.

Вера отступила и записала ширину прохода. Кирилл открыл дверь полностью. Оба сделали это чуть быстрее, чем требовалось, и она поняла, что он тоже почувствовал эту минуту.

На причале показалась Надежда Сергеевна — невысокая женщина в жёлтом дождевике, с пакетом из пекарни и ключами на широкой ленте. Она вела клуб с тех пор, как Вера училась кататься на велосипеде, и до сих пор умела открывать замки быстрее, чем люди успевали предложить помощь.

— Приехала! — Она обняла Веру, пахнувшую дорогой и дождём. — Я принесла булочки, чтобы вы не начали спорить на голодный желудок.

— Мы ещё не начали, — сказал Кирилл.

— Тогда булочки сработали заранее.

Они уселись за старый стол в углу. Вера развернула чертежи. На верхнем была береговая линия с нанесёнными границами участка. Узкая полоска возле воды заштрихована красным.

— Что это? — спросил Кирилл.

Надежда Сергеевна перестала отрывать бумажный пакет.

— Предварительный план. Зорин хочет купить соседние склады и построить гостиницу. Он предложил городу привести в порядок весь участок, в том числе дорожку к воде.

— Нашу дорожку?

— Формально она не наша. Эллинг принадлежит клубу, землю под ним мы арендуем, а полоса у воды имеет отдельный статус. Я запрашиваю документы. Пока речь о проекте, не о подписанной продаже.

— И что ты попросила сделать Веру? — Кирилл посмотрел на чертёж, затем на неё.

— Обследовать здание и предложить вариант, при котором эллинг можно сохранить. Нам нужно понимать, сколько стоит ремонт и какую часть берега детям действительно необходимо использовать.

— Ты могла сказать мне раньше.

— Говорю сейчас. Ты был на сборах, Вера заканчивала сессию. И я не хотела пугать вас планом, который могла неправильно прочитать.

Кирилл положил ладонь на красную штриховку. Его пальцы закрыли выход к понтону.

— Если дорожку огородят, детям придётся выходить к воде через парковку.

— Именно поэтому нам нужен план, который можно обсуждать с городом, — сказала Вера. — Не только список того, что нельзя делать. Надо показать, что можно сохранить и как это работает.

— И ты уже знаешь?

— Нет. Для этого я здесь.

Он убрал руку. На бумаге остался влажный след от его пальцев. Вера взяла салфетку и осторожно промокнула линию.

— Завтра в семь тренировка младшей группы, — сказал Кирилл. — Приходи. Посмотришь, как они выходят на воду.

— В семь утра?

— Ты же хотела увидеть, как это работает.

— Хотела. Просто надеялась, что город успел придумать другое время суток.

Надежда Сергеевна рассмеялась и пододвинула ей последнюю булочку. Кирилл посмотрел на часы: через двадцать минут ему нужно было на воду со взрослой командой. Он поднялся и направился к лодкам.

Вера следила за ним вопреки собственному намерению. Он взялся за борт, проверил, свободен ли проход, и позвал напарника. Когда они вдвоём вынесли лодку на причал, он не обернулся. Только у самой воды остановился и спросил, не глядя на неё:

— Ты остановилась у матери?

— Да. На несколько недель.

— Хорошо.

Он произнёс это так просто, что она не поняла, что именно он считает хорошим: то, что у неё есть жильё, или то, что она скоро уедет.

Вера осталась у ворот, пока взрослый экипаж выходил на воду. Она могла бы уйти сразу, но задержалась под предлогом, который сочла вполне рабочим: нужно было увидеть, сколько места занимает лодка при развороте. Она открыла блокнот и отметила границы прохода. Потом опустила карандаш и позволила себе смотреть просто так.

Кирилл сидел ближе к корме. Команда двигалась неровно первые несколько гребков, пока лодка не набрала ход. Макс что-то сказал соседу, тот рассмеялся, и Кирилл поднял руку: внимание снова вернулось к ритму. Лодка постепенно выровнялась. Вера знала, что не сможет оценить технику по нескольким минутам наблюдения, но видела, как меняется расстояние между ней и берегом, когда люди перестают тянуть каждый в свою сторону.

Кирилл когда-то пытался объяснить ей это на пустой воде. Она тогда сердилась, потому что не выходило одновременно слушать его голос, смотреть на лопасть и помнить, куда двигать корпус. Он смеялся не над ней, а над собой: каждый раз обещал показать медленно и через минуту говорил быстрее. Потом они вернулись к причалу и сидели на ступенях, пока солнце уходило за склад. Она спросила, почему он так любит этот вид спорта. Он ответил: «Потому что здесь не получается победить чужой работой. Если один не слышит других, все это чувствуют».

Теперь ей хотелось спросить, изменился бы его ответ. Она не стала окликать лодку: он был на тренировке, и её любопытство не делало работу команды менее важной. Вера закрыла блокнот.

Надежда Сергеевна вышла из клуба с пакетом, в котором что-то звякало.

— Забыла отдать твоей маме банки. Пойдёшь к ней?

— Да. Что это?

— Мёд от соседки. Твоя мама однажды сказала, что любит его, а соседка решила, что это договор на всю жизнь.

Вера взяла пакет. Стекло было тёплым: банки стояли на солнце. Надежда Сергеевна поправила ей воротник, как делала когда-то, когда дети выбегали к воде без курток. Вера почувствовала себя одновременно взрослой женщиной с чертежами и девочкой, которую собираются отправить домой до дождя.

— Я могу сама, — сказала она, но не отстранилась.

— Знаю. Я тоже могу сама донести банки. Иногда хочется сделать что-нибудь простое для человека, которого давно не видел.

Они постояли у ворот. Надежда Сергеевна посмотрела на эллинг.

— Ты испугалась, когда увидела потолок?

— Немного. Я не хочу говорить вам, что всё легко исправить, пока не знаю.

— Вот этого я как раз и ждала. Два человека до тебя сказали, что всё легко. Один даже не вошёл внутрь.

— Возможно, он обладал особым зрением.

— Или очень любил слово «легко».

Директор протянула ей сложенный ключ от калитки на маленьком кольце. Ключ не выглядел новым: на одной стороне металл потемнел от пальцев.

— Чтобы ты могла приходить, когда нужно. Только напиши мне или Кириллу, если будешь внутри одна. Не потому, что я тебе не доверяю. Здесь влажно, а крыша пока не в порядке.

— Напишу.

Вера взяла ключ. Его прохлада осталась на ладони даже после того, как она убрала его в карман. Надежда Сергеевна не просила обещать, что Вера спасёт клуб. Не спрашивала, сколько

времени займёт проект. Дала ключ и ограничение, в котором забота была важнее красивого жеста.

По дороге домой Вера остановилась у магазина. В списке, который мать прислала ещё в автобусе, были хлеб, зелень и лампа для настольного светильника. Лампу она выбрала не сразу: нужный цоколь был указан в сообщении, но на коробке печать размокла. Продавец нашёл другую и позволил сравнить размеры. Пока Вера ждала у кассы, в магазин вошла женщина с маленькой девочкой. Та держала рисунок, нарисованный синим карандашом: волна, лодка и три неровных круга вместо людей.

— Это наш клуб, — объяснила девочка продавцу. — Мы будем участвовать в регате.

— Взрослые? — спросил тот.

— И дети. У нас будет отдельный заезд, если погода позволит.

Девочка разложила рисунок прямо на прилавке. Вера увидела на корме знакомую надпись «Фарватер», переведённую с ошибкой, которую ребёнок старательно исправил сверху. Мать смущённо улыбнулась: дочь показывала рисунок уже третьему человеку по пути домой.

— Красиво, — сказал продавец. — Кто здесь капитан?

— Все по очереди.

Вера запомнила эту фразу. На клубной схеме, которую она получила по почте, детский заезд обозначался одной строчкой под основным расписанием. В рассказе девочки он занимал целый лист.

— Я сегодня была в вашем клубе, — сказала Вера.

— А вы будете смотреть регату?

— Если её проведут и я буду здесь — да.

— Её проведут, — уверенно сказала девочка.

Мать погладила её по плечу. Вера не стала поправлять. Она знала, что планы могут измениться из-за погоды, разрешений и десятка других причин. Но ей хотелось, чтобы в будущем у девочки была возможность спрашивать об этих причинах у взрослых, которые не прятались за расплывчатым «так получилось».

Дома пахло супом и свежевыстиранным бельём. Мать стояла у окна и пыталась заменить лампу, балансируя на невысоком табурете.

— Я принесла новую, — сказала Вера.

— Я знаю. Я проверяла, не выкрутилась ли старая.

— На табурете?

— Он устойчивый.

Вера поставила пакеты и придержала его. Мать взглянула вниз.

— Не нужно. Я не упаду.

— Ты же сама сказала, что табурет устойчивый. Я просто проверяю твою гипотезу.

Они поменяли лампу, после чего мать открыла одну из банок с мёдом. Вера разложила на столе чертежи и объяснила, почему нельзя пока назвать стоимость ремонта. Мать слушала внимательно, иногда задавая вопросы, которые казались простыми, но заставляли уточнять выводы.

— Если они продадут соседний участок, почему клуб обязательно потеряет проход?

— Не обязательно. Проект ещё не утверждён. Но на предварительной схеме не видно, как дети будут выходить с лодками, если здесь появится постоянный поток пешеходов.

— Тогда нужно спросить тех, кто рисовал схему.

— Именно.

— И детей.

— И детей.

Мать налила чай. Вера заметила, что на подоконнике стоит маленький деревянный кораблик, который они с Кириллом когда-то купили на ярмарке. Она подарила его матери перед отъездом, и за годы отсутствия успела забыть.

— Он всё ещё здесь.

— Ты про кораблик?

— Да.

— Он мне нравится. Нужно было убрать?

— Нет. Я просто не помню, когда видела его в последний раз.

Мать повернула кораблик носом к окну и не стала спрашивать, почему Вера узнала подарок именно сегодня. В этом молчании не было осторожного обхода темы. Скорее разрешение не говорить, пока она сама не решит.

Вера поднялась в свою комнату, чтобы переодеться. Сумка стояла у шкафа, как будто она приехала не на несколько недель, а на один вечер. Она разложила вещи по полкам, нашла старую тетрадь с заметками о воде и береге, положила сверху новую папку. На последней странице тетради был рисунок лестницы и два имени, написанные рядом. Она сразу узнала свой почерк и почерк Кирилла: её буквы наклонялись вправо, его стояли прямо.

Она могла вырвать страницу. Могла закрыть тетрадь и оставить её на дальней полке. Вместо этого провела пальцем по неровному краю бумаги. В тот день они сидели у воды и спорили, можно ли сделать площадку так, чтобы она не затапливалась при весеннем подъёме. Ей хотелось нарисовать место, где все поместятся; Кирилл добавил к схеме лестницу для тех, кто не хочет спускаться с крутого берега.

Тогда ей казалось, что совместные планы возникают легко и однажды просто станут жизнью. Потом появилась учёба, болезнь его отца, трудные звонки и всё, о чём они не сказали друг другу. Она до сих пор не знала, какой момент стал последним, после которого они перестали говорить честно. Может быть, такого момента и не было: каждый раз молчание выбиралось по чуть-чуть.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло от Кирилла: «Проверил дверь. Петлю придётся менять. Ты была права». Следом — фотография кривой металлической детали и короткое: «Сохрани для торжественного отчёта».

Вера почувствовала улыбку раньше, чем успела её удержать. Она написала: «Отчёт будет называться “Дверь победила человека с отвёрткой”».

Три точки появились почти сразу, потом исчезли. Ответ пришёл через минуту: «У человека будет реванш. Завтра в семь».

Она положила телефон на кровать. Простая переписка не объясняла, что он чувствует, и она не собиралась строить из неё выводы. Но ей было приятно, что он нашёл повод написать. Приятно настолько, что она снова взяла телефон и посмотрела на фотографию петли, хотя разобрала её с первого раза.

Внизу мать позвала ужинать. Вера спустилась, захватив тетрадь. По дороге задержалась у зеркала в коридоре и заметила на щеке тонкую полоску пыли. Наверное, осталась от лестницы в эллинге. Она стёрла её ладонью и неожиданно вспомнила, как Кирилл придержал её за талию. От этого воспоминания по коже разошлось тёплое, почти сердитое ощущение. Ей не хотелось, чтобы тело вело собственный разговор, пока разум ещё не понял, что произошло между ними.

За ужином мать рассказала о соседях и спросила, хочет ли Вера на выходных навестить тётю. Вера согласилась, затем уточнила, что в субботу может понадобиться осмотр клуба. Мать не заметила в этом выбора между семьёй и работой; просто предложила позвонить тёте заранее и подобрать время.

После ужина дождь усилился. Вера сидела у окна и слушала, как капли ударяются о подоконник. Она не знала, где сейчас Кирилл и закончил ли он тренировку. Телефон лежал на столе. Она не написала снова, хотя мысль несколько раз возвращалась. Завтра им нужно будет

говорить о проходе к воде, детях и старом здании. Справиться с этим окажется легче, если она выспится.

Мысль была разумной. Улыбка всё равно осталась.

Вечером Вера позвонила Яне. Подруга выслушала рассказ об эллинге и на словах «Кирилл держал лестницу» попросила повторить медленно и с подробностями.

— Он держал лестницу, — сказала Вера. — А я смотрела на гнилую балку.

— И какая из этих двух вещей заставила тебя говорить таким голосом?

— Балка. У неё серьёзные проблемы с несущей способностью.

— Понимаю. Кирилл тоже не выглядит человеком, которому стоит давать слишком большую нагрузку.

Вера устроилась на старой кровати у окна. За стеной мать разговаривала по телефону с соседкой. Из приоткрытой форточки тянуло солью и мокрой листвой. Когда-то этот звук ветра означал, что утром можно будет идти к эллингу и увидеть Кирилла. Сегодня означал то же самое, и это казалось несправедливым.

— Мне нужно сделать проект, — сказала она.

— Сделай. А остальное не обязано случаться только потому, что вы оказались в одном помещении.

— Я знаю.

— Знаешь, но всё равно позвонила мне.

Вера посмотрела на блокнот. Под списком задач она записала: «Дети в семь». И, сама не заметив когда, ниже: «Спросить, как он».

Она зачеркнула вторую строку. Потом положила карандаш рядом. На бумаге всё равно остались вдавленные буквы.

Глава 2. ранняя вода

В шесть сорок причал выглядел так, словно его забыли вынуть из ночи. Над водой висел серый туман, на мокрых досках стояли маленькие лужи. Вера пришла с термосом, рулеткой и двумя карандашами; один всегда ломался в самый неподходящий момент, а возвращаться за другим было унизительно.

Кирилл уже был у воды. Он разговаривал с мальчиком лет тринадцати, который держал весло поперёк себя, как шлагбаум. Мальчик заметил Веру и опустил его слишком резко. Лопасть ударилась о доски.

— Сначала смотри, где люди, — сказал Кирилл без раздражения. — Потом разворачивай.

— Я увидел.

— Когда?

— После.

— Полезное уточнение. Давай ещё раз.

Вера остановилась у стены. Ей хотелось сразу измерить ширину прохода, но она достала телефон и посмотрела на часы. До начала занятия оставалось двадцать минут, а Кирилл уже работал. Он поправил хват мальчика, показал, как повернуться с веслом вдоль причала, и дождался, пока тот повторит движение самостоятельно.

Гриша повернул весло вдоль тела, как показал Кирилл, и прошёл несколько шагов по причалу. На обратном пути он замедлился у мокрого участка и остановился.

— Я могу взять другое? — спросил он, положив лопасть на доски.

— В чём дело? — Кирилл присел рядом, не торопя его.

— Это тяжёлое.

Он произнёс это так, будто сам не верил. Кирилл проверил маркировку на древке. Весло соответствовало росту и возрасту мальчика. Он не стал сразу говорить, что оно подходящее.

— Покажи, где стало тяжело.

Гриша поднял его снова. Руки у него дрожали, хотя он старался держать лопасть ровно. На третьем шаге он обернулся к воде и почти задел поручень.

— Здесь, — сказал мальчик. — Я не хочу уронить.

Вера заметила, как он смотрит на узкую полосу между поручнем и краем. Утром доски казались темнее от сырости; вода под ними не шумела, но была достаточно близко, чтобы любой неверный шаг ощущался серьёзным.

— Сегодня мы не торопимся, — сказал Кирилл. — Можно пройти без весла и посмотреть под ноги. Потом вернёмся и возьмём его.

Гриша пожал плечами. Он не хотел выглядеть испуганным перед человеком, который однажды, по собственному утверждению, родился сразу взрослым. Вера сделала вид, что занята блокнотом. Кирилл поднял весло, поставил к стене и прошёл рядом с мальчиком до поворота. Они не касались друг друга. На обратной дороге Гриша сам попросил повторить упражнение с веслом.

На этот раз он дошёл до конца. Кирилл не стал хлопать его по плечу или объявлять победителем. Только спросил:

— Как ощущения?

— Не так тяжело.

— Если снова станет тяжело, остановись. Это не ошибка.

Гриша вернул весло и побежал за жилетом. Кирилл остался у края, проверяя крепление поручня. Вера подошла ближе.

— Он боялся воды или что его увидят испуганным? — спросила она.

— Я не знаю. Мне не обязательно угадывать сегодня.

— Ты раньше обязательно угадал бы.

— И сказал бы, что ошибаться нечего. Помню.

Она прислонилась плечом к стене. В холодном утреннем воздухе его лицо казалось резче, чем вчера вечером. Но в том, как он смотрел вслед Грише, было терпение, которого прежде она в нём не замечала. Возможно, оно всегда там было и проявлялось только в те минуты, когда ему нельзя было отвечать привычной шуткой.

— Ты не похож на человека, который утром работает с детьми, а днём спорит о сметах, — сказала она.

— А на кого похож?

— На человека, которому следовало поспать ещё два часа.

— Это точное наблюдение.

Он зевнул, прикрыв рот рукой, и она засмеялась. Кирилл посмотрел на неё с неожиданной мягкостью, словно этот звук оказался важнее остального утра. Вера отвела глаза к воде. После вчерашней встречи она полночи вспоминала, как он держал лестницу. Утром обещала себе сосредоточиться на работе, а теперь замечала, как он закатывает рукава и как на коже остаются следы от манжет.

— Ты правда собираешься делать проект для клуба? — спросил он.

— Правда.

— Не просто учебный? Такой, который можно будет отнести к городу?

— Я хочу, чтобы его можно было обсуждать всерьёз. Но сначала придётся проверить, на что клуб имеет право и какие работы вообще возможны. Я не обещаю, что мой вариант сразу примут.

Он кивнул, но остался у поручня. Вера понимала, что ему недостаточно красивого ответа. Вчера он увидел её с блокнотом; сегодня должен снова выносить лодки через дверь, которая заедает. И если её работа ничем не поможет, именно он первым заметит разницу между обещанием и реальностью.

— Ты можешь показать, как вы размещаете лодки до выхода? — спросила она.

— Могу. Только нам понадобится ещё один человек.

Они вернулись в эллинг. На нижней стойке лежала учебная двойка. Кирилл не стал снимать её без напарника; позвал Макса, который как раз приехал на велосипеде и успел только снять шлем.

— Я даже не поздоровался, — сказал Макс.

— Привет. Помоги показать разворот.

— Вот теперь всё на своих местах.

Они подняли лодку вдвоём. Вера шла впереди, измеряя расстояние от стойки до открытой створки. У двери Кириллу пришлось повернуться боком. Макс на другом конце задержался, чтобы нос не задел полку. Действие заняло всего несколько секунд, но Вера увидела, что человек снаружи в этот момент должен стоять почти у края причала.

— Можно обратно? — попросила она.

— Мы могли бы просто оставить её снаружи, — сказал Макс.

— Можно. Но мне нужно понять, как часто здесь возникает это движение.

— Каждый выход и каждый возврат, — ответил Кирилл. — В дождь дольше: люди стараются не поскользнуться.

Вера отметила на схеме две позиции. Когда Макс вернулся с другого конца помещения, она попросила его стать там, где обычно ждут родители. Он встал у стены, держа шлем перед собой. Проход стал уже, хотя Макс не занимал даже половины свободного пространства.

— Если родителей несколько, вы просите их отойти? — спросила Вера.

— Просим, — ответил он. — Иногда они помогают, иногда один ребёнок остаётся с младшим братом и не может отойти далеко.

— А если дождь?

— Тогда все стараются спрятаться под навесом. Навес небольшой и, как видишь, уже занят нами.

Она записала, что навесом пользуются не только спортсмены. Это не было окончательным решением. Но у неё появлялась карта людей и движений, которой не было на схеме с границами участка.

— Папа всегда говорил, что дверь не виновата, — неожиданно сказал Кирилл. — Виноваты те, кто думает, будто люди умеют проходить сквозь друг друга.

Вера повернулась к нему. Его отец говорил это и о кухне: ставил чайник на край стола, потому что знал, кто из соседей идёт первым и кому нужно обойти стул. Он замечал мелочи, из которых потом складывалось ощущение дома.

— Он ещё говорил, что обувь нельзя сушить на моторе катера, — добавила она.

— Я сушил один раз.

— Два.

— Второй не считается. Мотор тогда не работал.

Макс рассмеялся. Кирилл взял весло и ушёл к детям, а Вера задержалась у двери. Воздух в помещении пах краской и водой. Она помнила его отца у этого стола, помнила собственные пятнадцать лет и Кирилла, который делал вид, что не ждёт её после тренировки. Воспоминание было таким ярким, что ей захотелось уйти к остановке и не возвращаться до конца проекта. Но за дверью слышался голос Гриши, спрашивавшего, какая рука должна быть сверху. Работа не могла ждать, пока её чувства станут удобными.

Макс заметил, что она стоит неподвижно.

— Ты в порядке?

— Да. Просто вспомнила его отца.

— Он бы сейчас спорил с тобой о ширине двери.

— И проиграл бы.

— Несомненно. Но требовал бы реванша, пока ты не согласишься выпить чай.

Она улыбнулась. Макс опёрся на шлем и посмотрел на воду.

— Кирилл не слишком любит, когда о нём говорят без него. Поэтому скажу только одно: если он иногда звучит резко, это не обязательно означает, что он против тебя.

— Ты сейчас меня защищаешь или его?

— Наши ворота. Мне не хочется снова их чинить, если кто-нибудь из вас решит доказать свою правоту дверной створкой.

— Тогда береги петли.

Он ушёл к велосипеду за сумкой, а Вера вынула телефон. Мать прислала фотографию старого ящика с карандашами и подпись: «Нашла твои вещи. Оставить?» Вера увеличила снимок. На крышке виднелась наклейка с лодкой; она сама вырезала её из рекламного буклета и наклеила в день, когда впервые попала на тренировку.

Она написала: «Оставь, вечером разберу». Потом добавила: «Я в клубе. Здесь всё ещё пахнет досками и лаком». Мать ответила сердцем, и от этого простого знака Вере неожиданно стало тесно в горле. В университете она научилась говорить о городе как о территории и инфраструктуре. Но для людей он состоял ещё из запахов, старых ящиков и вещей, которые они не смогли выбросить.

Кирилл вернулся с двумя стаканами чая. Один протянул ей.

— Надежда Сергеевна велела тебе не замёрзнуть. Сказала, архитектор с температурой плохо измеряет.

— Она не директор, а стратег.

— Она всё это время пыталась намекнуть, что чай будет через три минуты. Я не понял с первого раза.

Вера взяла стакан. Пальцы у неё действительно окоченели. Кирилл заметил и придержал крышку, пока она устраивала её на месте. Их руки соприкоснулись. Никакой причины задерживаться в этом жесте не было, и всё же никто не отдёрнул ладонь сразу.

— Ты вчера ничего не сказала о том, как у тебя дела, — произнёс он.

— Мы обсуждали крышу.

— В основном. Но я всё равно мог спросить.

— Мог.

Он улыбнулся уголком рта, принимая её ответ.

— Как у тебя дела?

Вера посмотрела на чай. Его вопрос был простым, но после пяти лет молчания в нём поместилось больше, чем она могла ответить между тренировкой и замерами.

— Я заканчиваю учёбу. Работаю в небольшой мастерской и иногда боюсь, что знаю гораздо меньше, чем от меня ждут. Мама здорова, что сейчас для меня важнее всего. Я устала от ночных автобусов. И не уверена, что вернуться сюда было хорошей идеей.

Он не стал говорить, что идея замечательная. Поставил свой стакан на перила и подождал.

— Я рад, что ты приехала, — сказал он. — Но не буду убеждать тебя, что это обязательно должно быть легко.

Она почувствовала, как привычная защита слегка ослабла. Он говорил с ней как с человеком, который может сомневаться и всё равно делать работу. От этого ей захотелось подойти ближе — и одновременно спрятаться за любым практическим вопросом.

— Как у тебя? — спросила она.

— Команда готовится к регате. Денег на ремонт меньше, чем нужно. Я пытаюсь научиться не отвечать на всё «справимся».

— И как успехи?

— Сегодня уже два раза сказал это Максу.

— Прогресс.

— Он тоже так считает.

Они улыбнулись друг другу. Вера заметила, как светлеет вода за его плечом. Он стоял достаточно близко, чтобы она могла коснуться пальцами его руки. Она не сделала этого. Пока она знала слишком мало о том, что случится с ней после такого движения.

Из-за склада послышался звук мотора. Кирилл повернулся первым. Вера поставила чай на безопасную часть перил и закрыла блокнот, приготовившись встретить тех, кто приехал измерять соседний участок.

Рядом загудел мотор. К зданию подъехал фургон с наклейкой строительной компании. Из него вышел мужчина в непромокаемой куртке и поставил на землю штатив с измерительным прибором. За ним появилась девушка с планшетом.

— Доброе утро, — сказал мужчина. — Нам нужно снять отметки до десяти. Мы никому не помешаем.

— Это зависит от того, где вы поставите штатив, — ответил Кирилл.

Вера подошла. На жилете мужчины был вышит логотип компании Зорина.

— У вас есть схема работ? — спросила она.

— Есть разрешение на обследование соседнего участка.

Он показал документ. Тот действительно давал право на измерения, но не уточнял место установки прибора. Вера заметила, что его уже поставили на единственном широком участке, где дети разворачиваются с лодкой.

— Через десять минут здесь будут нести двойку, — сказала она. — Если перенесёте штатив на два метра к складу, они смогут пройти.

— Оттуда хуже видимость.

— А отсюда вы рискуете получить лодкой в оборудование.

Девушка с планшетом оглядела причал и предложила измерить эту точку позже, когда дети уйдут на воду. Мужчина вздохнул, но согласился.

— Вы здесь работаете? — спросил он Веру.

— Обследую эллинг для клуба.

— Тогда, возможно, увидимся на встрече. Я Артём Зорин.

Вера ожидала другого появления девелопера: машины с водителем, уверенного рукопожатия, команды, которая говорит за него. Перед ней стоял человек с мокрыми манжетами и пятном кофе на рукаве.

— Вы сами снимаете отметки?

— Сегодня не хватает геодезиста. Я умею. Это дешевле, чем переносить день.

Кирилл открыл ворота. Дети стали выходить с лодкой на плечах, повторяя его короткие команды. Зорин и девушка отошли к стене. Мальчик, который недавно стукнул веслом, на этот раз поворачивал лопасть внимательно и даже успел предупредить товарища.

Вера отметила ширину прохода, расстояние от двери до воды и уклон досок. Когда последняя пара вышла на понтон, она присела у края и измерила высоту ступени. Цифра не понравилась. Для взрослого человека перепад был неудобным, для ребёнка с лодкой на плече — опасным.

— Запишите ещё, что здесь скользко, — сказал Кирилл, появившись за её спиной.

— Уже.

— И что поручень шатается.

— Тоже.

— А то, что родителей негде ждать под крышей?

Она обернулась.

— Ты проверяешь мой список?

— Я пытаюсь понять, зачем нам человек, который приедет на три недели и напишет то, что мы знаем пять лет.

Это было сказано тише, чем она ожидала. От этого слова задели сильнее.

— Чтобы то, что вы знаете, можно было показать комиссии с размерами, расчётом и предложением решения.

— Комиссии показывали. Она сказала, что денег нет.

— Тогда придётся показать по-другому.

Он потёр затылок. На большом пальце у него белел застарелый мозоль; Вера помнила, как когда-то целовала его руки после тренировки, смеясь над тем, что гребцы платят за любовь к воде кожей.

— Я не хочу с тобой спорить, — сказал он.

— А я хочу, если у тебя есть конкретные причины не доверять проекту. Только давай без «ты уедешь» в каждом предложении.

Он посмотрел на неё. Туман расходился, и она увидела, что глаза у него всё так же темнеют перед тем, как он решает ответить честно.

— Конкретная причина: два года назад нам обещали новый понтон. Привезли красивую картинку, провели собрание, сфотографировали детей. Потом выяснилось, что в смете не учтён подъезд для техники. Проект закрыли. Детям было стыдно спрашивать, когда начнут строить.

Вера опустила рулетку.

— Кто делал расчёт?

— Компания, которую нанял город.

— Можно посмотреть документы?

— Найду.

— Тогда начнём с того, что в тот раз не получилось.

Он кивнул. Ни извинения, ни примирения не произошло. Но между ними появился предмет разговора, который не требовал делать вид, будто прошлого не было.

С воды послышался свисток. Одна из лодок развернулась поперёк канала. Мальчик на корме перестал грести, и течением его понесло к нижней стороне понтона. Кирилл уже бежал. Вера осталась у берега, не мешая, и увидела, как он подал сигнал тренеру на катере: не подходить с кормы, где весло может попасть под винт.

Катер обогнул лодку. Кирилл присел у края и объяснил мальчику, куда направить лопасть. Тот сначала сделал наоборот, потом выдохнул и повторил. Лодка выровнялась.

Когда всё закончилось, мальчик выглядел так, будто готов расплакаться от злости на себя.

— Я испортил тренировку, — сказал он, едва причалив.

— Ты научился выбираться из ситуации, — ответил Кирилл. — На следующей тренировке будем учиться делать это быстрее. Сейчас поможешь вымыть лодку.

— Это наказание?

— Это лодка. Её все моют.

Когда остальные лодки вернулись, на понтоне началась та суета, которую невозможно изобразить на аккуратной архитектурной схеме. Один ребёнок пытался протащить весло за поручень, другой искал свою шапку, третий утверждал, что не может понести жилеты, потому что у него заняты руки, хотя руки у него были пусты.

Вера поднялась, пропуская пару с лодкой. Ширины хватило только потому, что она прижалась к мокрой стене. Кирилл заметил и показал детям, где остановиться и переставить руки, прежде чем поворачивать корпус. Они выполнили команду, но один из мальчишек задел жилетом крючок на стене; связка ремней соскользнула ему на плечо.

— Не тяните, — сказала Вера. — Там карабин зацепился.

Она подошла, придержала ремень и освободила застёжку. Мальчик, тот самый, который потерял шапку, посмотрел на неё с настороженным интересом.

— Вы из комиссии?

— Нет. Почему ты так решил?

— Вы записываете и смотрите, где что лежит.

— Я изучаю, как сделать здесь удобнее.

— Тогда пусть крючки будут выше. Они цепляются за меня.

Он оказался заметно ниже крючков. Вера подняла взгляд, и мальчик уточнил:

— Когда я несу жилеты.

— Это меняет дело. Как тебя зовут?

— Гриша. А вас?

— Вера.

— Вы здесь работали раньше?

— Ходила на тренировки. Давно.

Гриша посмотрел на Кирилла, который проверял, плотно ли закрыта дверь эллинга.

— Когда он был маленький?

— Он никогда не был маленьким, — сказал Кирилл. — Я сразу родился таким.

Дети засмеялись. Гриша забыл про шапку и побежал помогать сложить жилеты.

Кирилл взял лежавшую на борту тряпку и протянул Вере.

— Тебе досталось почётное место у сушки. Мы не уходим, пока не вытрем лодки.

— Это наказание за жалобу на проход?

— Это лодка. Её все моют.

— Эту фразу ты сегодня уже использовал.

— Она остаётся убедительной.

Вера взяла тряпку. Дерево под ладонью было гладким и прохладным. Она осторожно провела вдоль борта, обходя крепление, и остановилась там, где на лаке виднелась полоска света. Возле носа тонкий слой отошёл от древесины.

— Здесь трещина?

Кирилл подошёл, наклонился рядом. Он протянул руку мимо её плеча, и на мгновение Вера оказалась между лодкой и его грудью. Это было случайное движение: он хотел дотянуться до повреждения. Но её тело узнало его близость быстрее, чем разум успел назвать обстоятельства. Запах чистой ткани, солёная влага на коже, тепло, которое в прохладном эллинге ощущалось почти неуместно.

Кирилл остановился.

— Я могу посмотреть?

Он спрашивал о лодке и одновременно о расстоянии. Вера отступила на шаг, давая ему место.

— Да. Я не уверена, поверхностная ли она.

Он провёл ногтем по краю повреждения и попросил Макса принести фонарь. Пока ждали, они стояли рядом, почти не касаясь. Вера смотрела на место, где рукав его свитера был закатан до локтя. На предплечье темнела короткая царапина. Она знала, что рассматривать её незачем; всё равно смотрела, пока он не поднял голову.

— Ты замёрзла? — спросил Кирилл.

— Немного.

— В комнате есть обогреватель. Древний и капризный, но если его не пугать, работает.

— Я думала, ты скажешь, что мне надо быстрее вытирать лодку.

— Я достаточно умен, чтобы не давать тебе повод доказать обратное.

Фонарь показал, что повреждение ограничивается верхним слоем покрытия. Макс записал его в журнал обслуживания и пообещал осмотреть лодку после полного высыхания. Вера заметила, что рядом в журнале стояли даты мелких ремонтов, имена тех, кто их проводил, и отметки о материалах.

— Ты всё это ведёшь? — спросила она Кирилла.

— Теперь Макс. Я успевал записывать только после того, как забывал, что именно сделал.

— А я помню за него, — сказал Макс. — Поэтому меня нельзя обижать.

Вера перелистнула журнал до первых страниц. На одной из них увидела почерк, который узнала не сразу: крупные буквы с наклоном, короткие тире вместо точек. Так писал отец Кирилла. Последняя его запись была о замене крепления на взрослой двойке.

Она закрыла журнал и вернула его Максу, не сказав ничего. Кирилл смотрел на обложку; по его лицу нельзя было понять, заметил ли он страницу. Вера вспомнила, как после больницы звонила ему несколько раз и каждый разговор заканчивался одинаково: он говорил, что всё нормально, она спрашивала, что нужно, он отвечал — ничего. Она тогда считала, что уважает его просьбу. Теперь понимала, как легко просьбу о помощи можно произнести так, чтобы никто её не услышал.

— Мы поставим лодку на нижнюю стойку, — сказал Макс. — Гриша, не лезь туда. Дай сначала нам пройти.

Мальчик не послушал с первой попытки. Кирилл позвал его по имени, не повышая голоса, и тот всё-таки отступил. Вера отметила в блокноте положение стойки и крючков. Когда она встала, к ней подошла женщина в серой куртке с капюшоном и двумя стаканами кофе.

— Простите, вы Вера? Надежда Сергеевна сказала, вы посмотрите проход.

— Да. Вы чья мама?

— Гришина. Меня зовут Марина. Я принесла кофе, но не знала, пьёте ли вы.

— Пью. Спасибо.

Марина протянула стакан. На крышке был нарисован фломастером якорь. Судя по неровным линиям, рисунок делал Гриша до тренировки.

— Он сказал, что вы слушаете, — пояснила Марина. — Обычно взрослые спрашивают детей, что им нужно, а потом отвечают, что дети слишком маленькие, чтобы понимать.

— Дети могут не знать требований к проходу, но знают, за что цепляются, — сказала Вера. — Я проверю всё вместе.

— Можно и про ожидание сказать? Когда идёт дождь, родители стоят здесь, у стены. Из-за нас с лодкой приходится проходить боком.

— Кирилл говорил. А сколько людей обычно ждёт?

— По-разному. В будни меньше, в выходные человек десять. Иногда с младшими детьми. Мы бы и ушли в кафе, но первая группа заканчивает в разное время: кто-то мёрзнет и выходит раньше.

Вера нарисовала в блокноте прямоугольник с дверью и предложила Марине показать, где родители останавливаются. Та сначала смутилась, потом взяла карандаш и нарисовала несколько кружков.

— Здесь коляска, — сказала она. — Иногда ещё одна. А здесь Гриша ставит сумку, хотя я прошу убрать с прохода.

— Потому что я потом не могу найти, если она не здесь! — крикнул Гриша с другого конца помещения.

— Я слышу, — отозвалась Марина. — Может быть, тебе нужна полка.

— С табличкой, — подсказала Вера.

Гриша обдумал и кивнул. Вера не стала обещать полку. Она записала потребность и пообещала показать эскиз, прежде чем окончательно его представят на обсуждении.

Марина заметила её колебание.

— Спасибо, что не сказали «конечно, сделаем». Он бы завтра пришёл с линейкой проверять.

— Я тоже пришла бы с линейкой, — сказала Вера.

Когда родители и дети разошлись, Кирилл вывесил мокрые жилеты у стены. Макс уехал за крепежом. Зорин со своей сотрудницей перенёс прибор на площадку возле склада и больше не мешал проходу. Вера закончила заметки и пошла проверить место, которое он выбрал. С него открывался вид на канал и старую дорожку вдоль воды.

— Не думал, что замер пути для детей окажется сложнее геодезии, — сказал Зорин, увидев её.

— Геодезия хотя бы не уходит искать шапку.

— Зато прибор иногда делает это вместо меня.

Он показал на экран. Одна из точек не сохранилась, и сотруднице пришлось повторить замер. Она не выглядела довольной, но после нескольких нажатий данные появились.

— Вот здесь, — сказал Зорин, повернув к Вере план, — мы рассчитываем оставить открытый проход. Но ширина зависит от пожарного проезда и укрепления берега. Я не хочу рисовать вам обещания, пока инженер не проверит отметки.

Вера наклонилась. По плану дорожка расширялась у склада и сужалась там, где клуб разворачивал лодки. Она объяснила, почему это неудобно, и спросила, можно ли сместить границу площадки. Сотрудница отметила вопрос в планшете.

— Можно проверить, — сказал Зорин. — Если перенести подпорную стенку, появится стоимость и вопрос к соседнему владельцу. Это не отказ. Это список того, что придётся узнать.

— Мне подходит список.

— Отлично. Большинство на встречах предпочитает готовые ответы.

— Готовый ответ без проверок я тоже могу нарисовать. Только он вам не поможет.

Он улыбнулся, но её слова записал. Деловой разговор не сделал его союзником и не превратил в противника. Ей предстояло сравнить планы и доказать, почему клубу нужен безопасный проход, а ему — решить, готов ли он менять собственный проект и платить за изменения.

Когда Вера вернулась к эллингу, Кирилл сидел на краю причала и заклеивал пластырем ладонь. Рядом лежала сумка с аптечкой. Вода почти касалась нижней ступени; недавний прилив оставил на дереве тёмную полосу.

— Поранил? — спросила она.

— Содрал кожу. Ничего интересного.

Он пытался одной рукой закрепить пластырь на другой, но край загибался. Вера присела рядом.

— Дай.

— Ты не обязана.

— Я знаю. Дай.

Он протянул ладонь. Она отделила пластырь от упаковки и осторожно прижала к коже. На старом мозоле виднелась свежая ссадина. Его пальцы были тёплыми; когда она разглаживала края пластыря, он держал руку неподвижно, будто боялся нарушить что-то хрупкое.

— Сильно? — спросила она.

— Нет.

— Ты всегда так говоришь.

— Не всегда.

— Вчера про крышу сказал: «Почти не течёт». Там четыре ведра.

— Три с половиной. Четвёртое поставили на всякий случай.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё так внимательно, что слова о четвёртом ведре вдруг перестали быть шуткой, а пауза между ними стала тесной. Кирилл перевернул ладонь и легко коснулся её пальцев. Вера почувствовала, как её собственная рука меняет положение навстречу, и только после этого поняла, что задержала дыхание.

— Ты злишься, когда я говорю «нормально», — произнёс он.

— Когда ты говоришь это вместо правды.

— Я не всегда знаю, какая правда нужна другому человеку.

— Можно начать с той, которую знаешь сам.

Его большой палец прошёл по её запястью. Вера не отняла руку. Они сидели у открытого входа, где их мог увидеть любой, и она всё равно ощущала эту минуту как что-то укрытое от посторонних. Он наклонился немного ближе, но остановился прежде, чем расстояние стало поцелуем.

— Мне хочется тебя поцеловать, — сказал он.

Она почувствовала, как внутри всё сжалось от внезапной честности. Хотелось ответить «да» так же просто. Но утро ещё не закончилось, и они только начали разговаривать; она не знала, что будет с ней через час, когда перестанет чувствовать его пальцы на коже.

— Мне тоже, — сказала Вера. — Но я пока не готова.

Он отодвинулся ровно настолько, чтобы ей не пришлось освобождать пространство самой.

— Хорошо.

Она ждала неловкости или раздражения. Вместо этого Кирилл ещё раз посмотрел на пластырь и поблагодарил. Затем убрал аптечку в сумку.

— Я не обещаю, что перестану хотеть, — сказал он.

— И не нужно.

Течение сдвинуло к понтону жёлтый лист. Вера наблюдала, как он вращается между деревянной ступенью и тёмной водой. На открытой поверхности след от лодки почти исчез, но

внутри неё всё ещё сохранялось ощущение движения — не обязательно вперёд, не обязательно к заранее известному берегу.

Из эллинга выбежал Гриша. Он нашёл шапку в капюшоне и принёс её как доказательство собственной правоты.

— Я говорил, что она рядом.

— Ты говорил, что её украли, — напомнил Кирилл.

— Это было до того, как я проверил капюшон.

Вера рассмеялась. Мальчик забрал у матери пакет и ушёл, тщательно обходя штатив Зорина. Марина обернулась у ворот и ещё раз помахала ей стаканом из-под кофе.

— Мы можем предложить маленький навес, — сказала Вера, когда они остались вдвоём. — Не на месте прохода. Там, где сейчас стоит сломанная стойка для лодок.

— Её можно перенести.

— Сначала надо проверить, не мешает ли она подъезду.

— Опять список.

— Ты ведь уже нашёл документы про старый понтон?

— Нашёл. Они в комнате. Я собирался показать после тренировки.

Она взяла блокнот, он — аптечку. На крыльце Кирилл остановился и пропустил её первой. Дверь заедала на влажном пороге, и им пришлось толкать вместе: он держал край, она нажимала ниже замка. Когда створка наконец поддалась, они оказались слишком близко. Вера заметила, что он смотрит на её рот, и на секунду позволила себе представить, как всё было бы, ответь она иначе.

Но Кирилл лишь улыбнулся и отпустил дверь.

— Теперь ты понимаешь, почему я чиню её каждую неделю.

— Я понимаю, почему тебе нужна новая петля.

— Это более полезный вывод.

В комнате на столе лежала папка, обмотанная резинкой. Кирилл развязал её и показал протокол о старом понтоне. Вера разложила бумаги по порядку, проверяя даты и подписи. Внизу последней страницы стояла пометка о подъезде техники, которую она искала. Она не давала готового решения, но объясняла, где прежний проект остановился.

— Ты был прав, — сказала она. — Это нужно было увидеть до любых эскизов.

Он не произнёс торжественного «я же говорил». Просто придвинул к ней карандаш и придержал край листа, чтобы тот не свернулся.

— Тогда начнём отсюда.

Вера записала в блокноте: «На входе в канал нужен безопасный разворот для учебных лодок». Рядом добавила: «Спросить тренера, как часто течение меняется». И только потом заметила, что Кирилл смотрит ей через плечо.

— Ты всё-таки записываешь то, что мы знаем.

— Да. Чтобы никто не мог сказать, что не знал.

В этот раз он не возразил.

Глава 3. план берега

К одиннадцати солнце прожгло туман. Вера сидела в тесной комнате клуба между шкафом с кубками и батареей, у которой не хватало ручки. На столе лежали документы о понтоне: смета, фотографии, протокол общественного обсуждения. Всё было аккуратно подшито, кроме последней страницы. Она держалась на одной скрепке и постоянно сползала на пол.

На пороге появился Макс — высокий, загорелый и с таким выражением лица, будто мир только что рассказал ему достойную шутку.

— Говорят, ты решила спасти нас от архитектуры, — сказал он.

— Пока пытаюсь понять, почему архитектура не спасла вас раньше.

— Я бы начал с батареи. Она давно готовит восстание.

Он поставил на стол две кружки. Из одной пахло крепким кофе, из другой — лимоном.

— Кирилл сказал, ты пьёшь чай без сахара.

— Пять лет назад пила.

— Теперь нет?

— Теперь тоже. Но это было рискованное предположение.

Макс сел напротив. С Кириллом он дружил ещё со школьных соревнований; Вера помнила, как оба прятали мокрые футболки за батареей и утверждали, что это способ ускорить восстановление. Надежда Сергеевна утверждала, что это способ вырастить грибок.

— Кирилл сказал, что ты знаешь про участок больше, чем кадастровая карта, — сказала Вера.

— Потому что я на нём постоянно чиню то, что карта не показывает.

Они вышли к восточной стене. Макс показал старый водосток, который уходил под дорожку, и место, где после сильного дождя вода собиралась у фундамента. Вера фотографировала и делала пометки. При каждом снимке он шутил, что хотел бы получить свой лучший профиль, но, когда разговор касался детей и прохода к воде, становился серьёзным.

— Самые маленькие пока не выносят лодки, — сказал он. — Они тренируются на берегу и выходят только с инструктором. Но им тоже нужно место. Прошлой осенью один мальчик ждал маму на тротуаре у дороги, потому что под навесом стояли строительные мешки.

— Его кто-то сопровождал?

— Конечно. Но это не делает тротуар удобнее.

Они вернулись к двери и измерили узкий участок между стеной и оградой. Макс держал начало рулетки; Вера, присев на корточки, фиксировала результат.

— Не хватает двадцати сантиметров, — сказала она.

— Для чего?

— Для прохода, который я бы хотела предложить. Но мы ещё не знаем, можем ли менять ограду.

— Значит, надо выяснить.

— Тебя не удивляет, что я не принесла готовую картинку?

— Меня удивило бы, если бы принесла. Ты и в школе сначала разбирала вещи, а потом решала, стоят ли они починки.

— Ты помнишь это?

— Ты разобрала часы моего отца и вернула ему три лишних винта.

— Они потом нашлись внутри корпуса.

— Он до сих пор носит эти часы и всем рассказывает, что ты улучшила конструкцию.

Вера засмеялась. Смех заставил её расслабить плечи, и она удивилась, как сильно сжимала их с самого приезда.

Макс проводил Веру до комнаты, где сохранились старые фотографии клуба. На одной из них капитаны нескольких лет стояли перед эллингом с лодкой, перевёрнутой над головами. На другой подростки в спасательных жилетах держали самодельное табло: кто-то нарисовал цифры настолько крупно, что они не помещались в рамку.

— Эта доска ещё существует? — спросила Вера.

— Если Надежда Сергеевна её не разобрала на полки. А если разобрала, она где-нибудь здесь, только теперь изображает мебель.

Они проверили стенд и нашли следы от прежних креплений. На стене под ним виднелась полоска более светлой краски — раньше здесь висели маленькие фотографии детской группы. Вера сняла размеры и отметила, что стенд можно переместить в сухую комнату во время ремонта.

— Жаль прятать всё в коробки, — сказал Макс. — Мы тогда сами прибивали рамки. Криво, но с большим энтузиазмом.

— Можно сделать временную выставку в школе или библиотеке.

— И поставить рядом банку для пожертвований?

— Сначала спросим, где можно поставить выставку. Потом решим, что ей нужно.

Макс вынул из рамки один снимок и перевернул. На обороте стояли год и несколько фамилий. Последнюю дописали карандашом — буквы почти стерлись.

— Здесь твой Кирилл, — сказал он.

— Он не мой.

Макс посмотрел на неё и взял другую фотографию.

— Хорошо. Здесь просто Кирилл, который когда-то почти подрался со мной из-за того, что я неправильно привязал лодку.

— Он не дерётся.

— Я не сказал, что подрался. Он разозлился, потом заставил меня развязать и повторить узел, пока я не запомню.

Вера присмотрелась к фотографии. Кирилл был моложе, худее, на загорелом лице — серьёзное выражение, которое он всегда делал перед объективом. Его рука лежала на плече Макса. Это прикосновение было привычным, не показным; Вера вспомнила, как в те годы он мог обнять друга после гонки и так же легко отступить, когда разговор становился личным.

— Он сейчас всё ещё учит узлам? — спросила она.

— Иногда. Теперь делает это терпеливее, если не очень устал.

— А если очень?

— Сначала молчит. Потом говорит, что не устал. Вот тогда все знают, что устал.

Вера улыбнулась. На секунду ей захотелось спросить, был ли у Кирилла кто-то после неё. Она не спросила: Макс не должен отвечать за него, а сама она не имела права превращать дружбу в источник сведений о чужой личной жизни.

Из коридора донёсся стук. Кирилл вернулся с воды и нёс большую связку вёсел вместе с другим спортсменом. Лица обоих были влажными после тренировки. Макс помог им снять крепёжные ремни и ушёл за тележкой. Вера осталась у стены с блокнотом.

— Ты не обязана носить их, — сказал Кирилл. — Мы справимся.

— Я и не собиралась. Смотрю, достаточно ли места для разворота.

— И?

— Мне нужно, чтобы вы повторили проход, когда уберёте ящик.

Он перевёл взгляд на узкий деревянный ящик у входа. Поставил вёсла и отодвинул его. Внутри оказались старые буйки, свёрнутые ленты и сетка. Вера увидела на крышке дату, написанную его отцом, но не стала говорить об этом. Кирилл и сам заметил: пальцы на секунду задержались на краю.

— Мы не обязаны убирать это сейчас, — сказала она.

— Я знаю. Но ящик действительно стоит на пути.

Вместе они перенесли его к стене. Вера поддерживала один край, Кирилл — другой. Ящик оказался тяжелее, чем выглядел, и ей пришлось подойти к нему ближе. Он успел положить ладонь под дно до того, как груз выскользнул у неё из рук. Их лица оказались рядом; она увидела каплю воды у его виска и почувствовала запах солнца, ветра и чистой ткани. Вера задержала дыхание.

— Опускаем на три, — сказал Кирилл.

— Я умею считать.

— Я надеюсь. Раз, два, три.

Они поставили ящик. Она ещё держала крышку, когда его пальцы коснулись её пальцев. Он не убрал руку, но и не стал двигаться ближе. Вера почувствовала это короткое ожидание всем телом: желание сделать шаг и напряжение от того, что он мог бы сделать шаг тоже.

— Ты промок, — сказала она.

— Это профессиональный риск.

— Я имела в виду, что вода капает на записи.

Он выпрямился и посмотрел на папку под её рукой. На обложке действительно лежала маленькая капля. Вера быстро вытерла её рукавом. Кирилл улыбнулся.

— Спасибо, что напомнила о моих приоритетах.

— У тебя, похоже, другие.

— Сейчас? Да.

Он сказал это тихо. Вера подняла глаза и увидела, что он смотрит прямо на неё. Ей захотелось узнать, на что будет похож его поцелуй спустя пять лет. И ей хотелось, чтобы он понял это без необходимости произносить вслух. Одновременно она боялась, что один шаг сделает слишком лёгким всё, что было тяжёлым: отъезд, молчание, годы чужой жизни.

— Нам нужно проверить проход, — сказала она.

— Нужно.

Они отошли от ящика. Макс вернулся с тележкой, и вместе они вынесли вёсла к дальней стойке. Вера измерила угол, под которым приходится проходить через створку, и записала цифру. Когда работа закончилась, Кирилл предложил ей сесть на скамью: у неё дрожала рука после того, как она долго держала рулетку над головой.

— Я в порядке, — сказала она.

— Это опасные слова в нашем клубе.

— Почему?

— После них Надежда Сергеевна обычно приносит чай и спрашивает ещё раз.

Он достал из шкафа две чашки. На одной синяя полоска шла криво, на другой почти стёрлась. Вера узнала их: когда-то они спорили, кому достанется целая ручка, и в конце оба держали чашки двумя руками.

— Надежда Сергеевна сохранила даже это?

— Она называет их рабочими. Новые чашки оставляет для гостей, которых нужно впечатлить.

— Значит, я не гостья.

Кирилл поставил перед ней чай и только потом ответил:

— Ты можешь быть кем захочешь. Для меня ты не чужая.

Вера обхватила чашку ладонями. Он не просил её вернуться в прошлое, но слова всё равно задели. Она хотела быть не чужой и одновременно боялась, что за этим желанием он услышит обещание остаться.

Телефон загорелся на столе. Пришло письмо от преподавательницы: мастерская, где Вера проходила практику, предварительно обсуждала для неё стажировку в другом городе после

защиты. Никакого договора не было, только вопрос, хочет ли она получить подробности. Ответ можно было дать позже.

Вера прочитала письмо дважды. Неделю назад она бы сразу написала «да». Сегодня перед ней стоял Кирилл, за стеной шумела команда, а в папке лежала схема места, которое она ещё только начинала понимать. Она не хотела принимать решение из-за одного взгляда или одного здания.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Мне предложили узнать о стажировке после защиты. Ничего окончательного.

— Ты хочешь узнать?

— Да. И не знаю, как это совместить с проектом здесь, если он понадобится дольше нескольких недель.

Кирилл не отвёл глаз. Несколько секунд он молчал, и Вера успела придумать за него вопрос, которого он не задал.

— Узнай, — сказал он. — Пока не узнаешь условия, нечего решать.

— Ты звучишь очень разумно.

— Внутри я менее разумен.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы первая мысль была: «Она снова уедет». Но это моя мысль. Не твой долг отказываться от работы, чтобы мне не было страшно.

Её дыхание сбилось. Вчера она не понимала, что он имеет в виду под простым «хорошо» у воды. Сейчас он говорил яснее, хотя это явно давалось ему нелегко.

— Я не хочу, чтобы ты молчал, — сказала она.

— Тогда я постараюсь говорить до того, как начну решать за тебя.

Она поставила чашку. Вера не знала, достаточно ли этой попытки, чтобы вернуть доверие. Но впервые видела перед собой не обещание, а конкретное действие: он признал страх и не стал прятать его в чужом выборе.

Она дотронулась до его руки. Кирилл перевернул ладонь, и их пальцы встретились. В комнате было слышно, как за стеной Макс двигает тележку. Несколько секунд Вера думала только о тепле его кожи и о том, что хотела бы почувствовать больше. Он медленно провёл пальцем по её ладони. Это движение было таким простым, что ей пришлось отвезти взгляд к окну.

— Если я тебя сейчас поцелую, — сказал он, — мы сможем продолжить работать?

Она честно представила его губы, а потом — стол с документами и людей, которым нужен безопасный проход. Желание никуда не делось. Но ей хотелось, чтобы первый шаг они сделали не потому, что испугались следующего отъезда.

— Я не знаю, — ответила Вера. — И мне не хочется выяснять это в ту минуту, когда я только что прочитала письмо.

Он отпустил её руку. Она почувствовала потерю тепла и тут же разозлилась на себя за это. Но Кирилл не выглядел обиженным.

— Хорошо. Тогда работа.

— Это не значит, что я не хочу.

— Я услышал.

Он не попросил подтверждения ещё раз. Вера открыла письмо и написала преподавательнице, что хочет узнать подробности стажировки. Отправив ответ, она снова взяла блокнот. Теперь у неё было две задачи, которые нельзя было решать молчанием: собственное будущее и будущее эллинга.

В коридоре Макс назвал Кирилла по имени. Тот поднялся, забрал пустую чашку и поставил в раковину. На пороге он обернулся.

— Если появятся условия стажировки, расскажешь?

— Если захочешь слушать.

— Захочу.

Он вышел. Вера ещё некоторое время смотрела на дверь. Ей хотелось догнать его и сказать то, что она не сказала у стола: что она тоже думает о поцелуе с самого утра и что никакая работа не делает это желание менее настоящим. Она не пошла следом. Ей нужно было закончить обследование, а ему — помочь команде. Это не было отказом от будущего разговора, только выбором не торопить его.

В глубине двора раздались голоса. У ворот стоял Артём Зорин с Надеждой Сергеевной. Между ними находился человек с папкой и бейджем городской администрации. На этот раз Артём был в пальто, но манжеты всё равно оставались мокрыми: он, кажется, привык трогать вещи, которые показывал собеседнику.

— Вера, подойдёшь? — позвала Надежда Сергеевна.

Представителя города звали Павел Алексеевич. Он объяснил, что пока рассматривается концепция обновления складов и берегового прохода. Права клуба на здание зарегистрированы; документы по земле и общему проходу ещё изучаются.

— Мы не собираемся закрывать детям доступ к воде, — сказал Зорин. — Наоборот, хотим сделать новую набережную безопасной.

— По предварительной схеме она проходит перед воротами эллинга, — заметила Вера. — Если это пешеходная зона с постоянным потоком, выносить лодки будет трудно.

— Поэтому я и попросил встречу. На схеме указана только граница, не окончательная организация движения.

— У нас занятия с семи утра, — сказал Макс. — В выходные и раньше.

Павел Алексеевич предложил провести отдельную встречу с представителями клуба и жителями. Вера попросила предоставить техническое задание на обследование. Зорин согласился отправить доступные материалы и уточнил, какие данные нужны ей в первую очередь.

— Отметки уровня, существующие коммуникации и сведения об ограничениях на проход вдоль воды.

— Сделаю запрос инженеру. Но доступ к части документов зависит не от меня.

— Это тоже отметим.

Кирилл вышел из эллинга, вытирая руки полотенцем. Он остановился рядом с Максом и выслушал последнюю часть разговора.

— На вашем плане нет места для хранения лодок во время ремонта, — сказал он Зорину.

— Потому что план предварительный.

— А когда он станет окончательным, место появится?

— Если мы поймём, сколько его нужно и на какой срок.

Вера ожидала, что Кирилл ответит резко. Но он вытащил из кармана сложенный лист и развернул на стене. Это был список лодок с размерами и отметками о состоянии.

— Я подготовил вчера. Ещё нужны проходы, чтобы не переносить каждую через другие.

Зорин посмотрел на лист, достал телефон и попросил разрешения сфотографировать. Кирилл кивнул. Ничего похожего на победу не произошло; трое взрослых людей просто договорились обменяться сведениями. Вера знала, что такие моменты часто выглядят скучнее будущих презентаций и значат гораздо больше.

Пока Павел Алексеевич и Зорин обсуждали у ворот подъезд для машины, с моря донёсся длинный свисток. Макс обернулся первым. На воде виднелась учебная одиночка: ребёнок в ярком жилете держался у борта, а сама лодка лежала вверх днищем.

— Катер? — спросил он.

— С другой группой за поворотом, — ответил Кирилл и уже бежал к понтону.

Вера догнала его у входа в эллинг. Он взял спасательный круг и длинный шест. Макс выбежал следом, натягивая жилет. Никакой паники в их движениях не было, только быстрота людей, которые знают порядок действий.

— Ты остаёшься здесь, — сказал Кирилл Вере. — Попроси Надежду открыть аптечку и принести сухие вещи.

Она кивнула. Ей хотелось спросить, чем ещё помочь, но он уже спускал на воду маленькую дежурную лодку. Макс удерживал нос, пока Кирилл укладывал круг и шест. Женщина на катере увидела сигнал и повернула обратно; в эту секунду ветер отнёс перевёрнутую одиночку чуть дальше от понтона.

Вера побежала к клубу. Надежда Сергеевна уже открывала шкаф. Вместе они разложили сухие полотенца и одеяло, поставили термос с тёплой водой. Она достала телефон, но директор остановила её:

— Сначала посмотрим, как он дышит и не ударился ли. Катер рядом.

— А родители?

— Мама за воротами, я сообщу. Ты принеси запасной жилет.

Вера взяла жилет с полки и заметила, что её руки дрожат. На берегу она любила смотреть на тренировку как на понятную последовательность: команды, движения, возвращение. Вода не обещала соблюдать последовательность ради чьего-то спокойствия.

Мальчика звали Саша. Его подняли в катер через несколько минут. На причале он кашлял, сердился и повторял, что сам мог перевернуть лодку обратно. Кирилл опустился рядом, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Я видел, как ты держался за борт. Это было правильно. Сейчас снимем мокрое, потом тренер проверит, как ты себя чувствуешь.

— Все видели.

— Да.

— Они будут смеяться.

— Если будут, я с ними поговорю. А если тебе нужно пять минут без зрителей, скажи прямо.

Саша молча кивнул. Вера и Надежда Сергеевна отвели его в комнату, где обычно ждали родители. Мать вошла следом, присела перед сыном и не стала обнимать его, пока он не перестал говорить. Она задавала короткие вопросы; Надежда ответила на них честно, включая то, чего пока не знала.

Позже тренер объяснила, что Саша потерял равновесие на развороте, но остался рядом с лодкой и не пытался самостоятельно плыть через канал. Его осмотрели, согрели и отпустили домой с матерью. Остальные дети вместе с Максом вернули одиночку в эллинг. Кирилл проверил крепления и только после этого снял мокрый жилет.

Зорин подошёл не сразу. Он стоял у ворот с представителем города и ждал, пока родители уедут.

— Мы можем закончить встречу в другой день, — сказал он. — Я не хочу мешать.

— Мы всё равно должны обсудить проход, — ответила Надежда Сергеевна. — Только не будем использовать случившееся как готовый аргумент. Нам нужно понять, что именно произошло.

Вера была благодарна ей за эту фразу. Несколько минут назад она сама уже мысленно рисовала на схеме новое место для катера и спасательного оборудования. Идея могла оказаться полезной, но одно происшествие ещё не доказывало, какой вариант лучше.

— Можно поговорить с тренером, когда она закончит запись? — спросила Вера.

— Да. И с родителями тоже, если они будут готовы, — сказала Надежда.

Павел Алексеевич открыл папку и спросил, где хранятся инструкции на случай переворота. Макс показал журнал тренировок и план, закреплённый у входа. Вера увидела, что схема аварийного подхода к воде расположена за дверью: если створка открыта, её не видно.

— Я бы перенесла план на наружную стену, — сказала она.

— Наружная стена мокнет, — заметил Кирилл.

— Тогда под навес и в защищённую рамку. Это не перестройка всего берега. Просто одна вещь, которую можно сделать до проекта.

Зорин предложил спросить у подрядчика, есть ли остатки прозрачного защитного листа после работ на складе. Надежда поблагодарила и добавила, что клуб проверит размеры и крепления. Вера увидела, как Кирилл сдержался от замечания. Он смотрел на Зорина настороженно, но не отвергал предложение только из-за того, кто его произнёс.

Когда остальные разошлись, Вера нашла Кирилла за эллингом. Он сидел на перевёрнутом ящике и растирал запястье. Рядом на верёвке сушился жилет; вода с него падала на землю через равные промежутки, будто кто-то отсчитывал время.

— Ударился? — спросила она.

— Зацепил борт, когда вытаскивали лодку. Ничего серьёзного.

Она не сказала, что он снова использует слова, которым трудно доверять. Вместо этого присела на соседний ящик.

— Саша сказал, что все будут смеяться.

— Я слышал.

— Ты поговоришь с группой?

— Да. Но не буду устраивать из него урок для остальных без его согласия. Можно обсудить безопасность и не заставлять человека заново переживать случившееся перед всеми.

Вера посмотрела на его руку. На запястье появилась красная полоска.

— Можно взглянуть?

Он протянул ладонь. Она осторожно коснулась кожи выше отметины. Под пальцами быстро бился пульс. Её внимание слишком резко переключилось с ссадины на то, как он смотрит на неё: открыто, не скрывая усталости и желания, которое они оба уже успели заметить утром.

— Болит? — спросила она.

— Когда сгибаю.

— Тогда тебе нужен холод и, если не пройдёт, врач.

— Есть холодный пакет в аптечке.

— Почему он всё ещё там?

— Потому что я сначала убирал лодку.

— Лодка не пожалуется.

— Ты ещё не слышала, как она скрипит на повороте.

Она пошла за пакетом и вернулась раньше, чем успела подумать, не выглядит ли её забота слишком привычной. Кирилл приложил холод к запястью. Вера села рядом, подтянув рукава куртки. Они молчали. С другой стороны здания слышались голоса родителей и звон ключей Надежды Сергеевны.

— Ты испугалась? — спросил он.

— Очень.

— Я тоже.

Это признание прозвучало без попытки придать ему значение. Она повернулась к нему.

— Ты выглядел спокойным.

— Когда знаешь порядок, можно выглядеть спокойным. Это не то же самое, что не бояться.

Он снял холодный пакет и положил на колени. Вера заметила, что ладонь у него всё ещё влажная.

— Ты всегда был таким? — спросила она. — Собирался первым, а потом боялся отдельно от всех?

— Нет. Раньше я сначала делал вид, что вообще не боюсь.

— Очень убедительно.

— Ты верила?

— Иногда. Иногда хотела верить, потому что тогда мне не приходилось спрашивать.

Он посмотрел на неё. Ветер шевельнул край мокрого жилета, и тот задел Верино плечо. Кирилл протянул руку, чтобы удержать ткань. Его пальцы коснулись её шеи — едва заметно, но Вера замерла. Он тоже остановился.

— Прости.

— Не за это.

Он медленно убрал руку с жилета. Между ними осталось небольшое расстояние; Вера слышала, как он дышит. Она могла бы наклониться и проверить, изменится ли мир, если коснуться его губ. Ещё утром он сказал, что хочет её поцеловать, и остановился, когда она попросила. От этого её желание не исчезло; оно стало яснее и опаснее, потому что теперь не пряталось за случайным прикосновением.

— Ты всё ещё не готова? — спросил он.

— Я не уверена.

— Тогда не будем угадывать.

Вера улыбнулась, хотя ей хотелось совсем другого ответа. Он не пытался убедить её, и это заставляло доверять ему сильнее, чем любые красивые слова. Она положила ладонь на его плечо и сама сократила расстояние. Не до поцелуя: только так, чтобы на секунду почувствовать тепло сквозь ткань.

— Я рада, что ты был рядом с ним, — сказала она.

— С Сашей?

— Да. И что не стал говорить, будто всё пустяки.

— Он испугался. Пустяком это не назовёшь.

Она убрала руку. В эллинге хлопнула дверь, и Кирилл поднялся: подходила взрослая команда. Вера заметила, как он осторожно сгибает запястье, и пообещала себе позже спросить, прошло ли. Не потому, что имела право следить за ним, а потому, что он ответил честно и разрешил ей знать.

Перед тренировкой Макс попросил её помочь переставить складной стол. На нём лежали бутылки, журнал и коробка с ключами. Вдвоём они перенесли стол ближе к стене, освободив проход для вёсел. Один из спортсменов проверил, не мешает ли он двери, и предложил повернуть его на ладонь вправо. Вера отметила новую позицию малярной лентой на полу.

— Временная разметка, — сказала она. — Если окажется неудобно, меняем.

— А если удобно? — спросил Макс.

— Тогда это хороший аргумент в пользу постоянного решения.

— Мне нравятся аргументы, которые не стоят дорого.

Пока команда разминалась, Вера вышла к берегу и измерила расстояние от аптечки до понтона. На бумаге линия казалась короткой. В реальности путь проходил мимо узкой двери, стойки и навеса, под которым в непогоду ждали родители. Она не стала делать выводы без разговора с тренерами, но нарисовала два возможных расположения шкафа.

Кирилл, проходя с веслом, увидел рисунок.

— Если перенести сюда, дверь шкафа откроется не полностью, — сказал он.

— Вижу. Значит, второй вариант.

— Второй ближе к воротам. Зимой туда наметает снег.

Она добавила отметку и посмотрела на него поверх блокнота.

— У тебя для каждого варианта есть замечание.

— Потому что я живу здесь зимой.

— А у меня есть возможность услышать это до того, как я нарисую красивую ошибку.

Он задержался на секунду. Потом кивнул и пошёл к воде. Вера смотрела ему вслед только до тех пор, пока он не обернулся. Он обернулся раньше, чем она ожидала.

Они одновременно отвели глаза. Макс, стоявший у двери, издал звук, подозрительно похожий на сдержанный смешок, и поднял обе руки, показывая, что ничего не скажет. Вера пригрозила ему карандашом. Затем вернулась к схеме: в этот раз в ней было место для пути, которым действительно смогут воспользоваться люди, а не только для линий, красиво сходящихся на листе.

После встречи она помогла Надежде Сергеевне убрать чашки. Кирилл задержался у двери, пока остальные расходились.

— Ты подготовил список ночью? — спросила Вера.

— После тренировки.

— Спасибо.

— Для проекта или вообще?

Она поставила чашку в раковину.

— Для проекта. Но вообще тоже.

Он подошёл ближе. Между ними остался край стола, на котором лежала его тетрадь. Вера помнила эту тетрадь: синяя обложка, резинка, загнутый угол. Пять лет назад он записывал туда время тренировок и суммы, которые нужно было внести за лодку. Похоже, теперь записывал больше.

— Я тогда приехал на вокзал, — сказал Кирилл.

Её пальцы замерли на ручке чашки.

— Когда?

— В день твоего отъезда. Поезд уже ушёл.

— Ты не ответил мне вечером.

— Я был в больнице с отцом. Телефон сел, а когда я вернулся, ты уже уехала к матери.

— Я уехала к матери за час до поезда. Можно было позвонить оттуда.

— Можно.

Он не пытался сделать из этих слов оправдание. И всё же Вере хотелось, чтобы он хотя бы на секунду сказал, что выбора не было. Тогда ей было бы проще сердиться.

— Я знала, что ему плохо, — сказала она. — Я не знала, насколько. Ты всё время говорил, что справляешься.

— Я думал, если скажу другое, ты останешься.

— Ты решил за меня?

— Да.

Её сердце ударило сильнее. Он сказал это без защиты, и от этого не стало легче.

— Я могла поехать учиться и всё равно знать правду. Одно не отменяло другое.

— Теперь я понимаю.

— А тогда?

— Тогда я хотел, чтобы хотя бы у одного из нас всё получилось.

Вера взяла с полки сухое полотенце и вытерла руки, хотя они уже были сухими. Она столько лет рассказывала себе историю о человеке, которому было всё равно. Оказалось, в ней не хватало нескольких страниц. Но отсутствие страниц не означало, что остальные были написаны неправильно.

— Я тоже могла приехать обратно, — сказала она. — Не навсегда. На выходные, на один день. Я ждала, что ты попросишь.

— Я не попросил.

— Я не предложила.

За дверью кто-то позвал Кирилла. Он отступил. Она ощутила движение почти физически: воздух между ними стал холоднее.

— Мне нужно на воду, — сказал он.

— Иди.

Он взял тетрадь и задержался у двери.

— Я не рассказал тебе это, чтобы ты изменила мнение обо мне.

— А зачем?

— Потому что ты спросила про ту ночь пять лет назад. И я тогда не ответил.

Он ушёл. Вера долго стояла у раковины. Ей хотелось позвонить Яне, разложить разговор по фразам и получить вывод. Вместо этого она открыла окно. С моря пахло водорослями и тёплым железом. На причале Кирилл помогал команде вынести лодку; его ладонь легла на борт, и Вера неожиданно вспомнила другую ладонь — на её талии, когда качнулась лестница.

Она закрыла глаза. Сначала надо закончить обследование, сказала она себе. Потом признала, что мысль о его руках не исчезнет от списка задач. Её придётся просто оставить рядом с ними.

Позже небо стянуло тучами. Вера вышла из эллинга с папкой под мышкой и решила пройти к остановке пешком: до автобуса оставалось двадцать минут, а после разговора ей нужно было пространство, где не придётся делать вид, будто она понимает собственные чувства.

На углу она увидела Яну. Подруга стояла под козырьком аптеки и держала в руках два пакета, один заметно тяжелее другого.

— Твоя мама сказала, что ты здесь, — сообщила Яна. — Я привезла ей банки. И пришла убедиться, что ты не заблудилась между вокзалом и человеком, который делает тебе такие глаза.

— Какие?

— Она сказала это как раз так же.

Вера помогла ей переложить тяжёлый пакет. Внутри звякнули стеклянные крышки.

— Мама теперь занимается консервированием?

— Пока только коллекционированием банок. Говорит, что однажды решится.

Они пошли вдоль канала. Ветер быстро усиливался; листья на мостовой переворачивались светлой стороной и скользили к воде. Яна не стала сразу расспрашивать про Кирилла. Вера была ей благодарна и одновременно раздражалась: хотелось, чтобы подруга нашла вопрос, на который не надо искать ответ самостоятельно.

У старой лодочной мастерской они встретили женщину с собакой. Пёс сопротивлялся, упираясь лапами, и не желал проходить мимо машины, разгружавшей материалы у ворот. Из кузова свисали длинные полосы гибкого покрытия. Один край подхватило ветром; он хлопнул о борт, и собака испуганно отскочила прямо к воде.

Вера оставила пакет Яне и медленно подошла сбоку.

— Можно я придержу поводок, пока вы отойдёте от машины? — спросила она.

— Пожалуйста. Он не кусается, просто боится громких звуков.

Собаку звали Туман. Вера присела, не протягивая руку к морде, и подождала, пока он сам подойдёт. Он обнюхал её сапог, перестал пятиться и позволил взять поводок ближе к ошейнику. Яна позвала водителя и попросила придержать материал. Тот извинился и вместе с помощником убрал свободный край внутрь кузова.

Женщина отвела Тумана за угол. Он успокоился и снова заинтересовался обычными собачьими делами. Вера вернула поводок и только тогда поняла, как быстро у неё бьётся сердце.

— Ты всегда сначала бросаешься помогать, а потом думаешь, испугалась ли, — сказала Яна.

— Он весит меньше меня.

— Я не про собаку. Я про твои глаза.

Они остановились у пекарни. Яна предложила взять кофе и не идти домой до первого дождя; Вера согласилась. За стеклом пекарни горели тёплые лампы, пахло корицей и свежим хлебом. Вера вдруг почувствовала, что голодна: утром она съела половину бутерброда и выпила чай, а потом забыла о еде.

Они сели у окна. За стеклом люди ускоряли шаг, хотя на асфальте ещё не было ни одной капли.

— Он рассказал, почему не пришёл? — спросила Яна.

Вера покрутила бумажный стакан. Крышка была слишком плотно надета; пришлось приподнять один край.

— Сказал, что был с отцом в больнице. А потом приехал на вокзал, когда поезд уже ушёл.

— Ты ему веришь?

— Да. В том, что он сказал, нет ничего невозможного. Меня злит другое: я пять лет думала, что он просто не хотел меня видеть, а он решил, что должен молчать, чтобы я уехала спокойно.

— И что ты ему сказала?

— Что могла бы знать правду и всё равно уехать. И что сама тоже могла предложить приехать на выходные.

Яна отломила кусок булочки и положила на блюдце.

— Ты не обязана делить вину поровну, чтобы разговор закончился справедливо.

— Я и не делю. Я пытаюсь понять, где мой выбор, а где его.

За окном Кирилл появился неожиданно: шёл с Максом от магазина крепежа, нёс длинную узкую коробку. На секунду Вера узнала его походку ещё до того, как подняла глаза. Она наблюдала, как он меняет руку, чтобы коробка не задевала прохожих. Яна проследила за её взглядом, но не сказала ни слова.

Кирилл заметил их через стекло и поднял ладонь. Вера ответила тем же. Он остановился у входа, будто спрашивал, можно ли войти. Она кивнула.

— Мы заняли лучшее место для наблюдения за погодой, — сказал он, поставив коробку к стене.

— Или за тем, как вы таскаете тяжёлые вещи, — добавила Яна.

Макс пододвинул соседний стул и спросил, свободен ли. Яна жестом разрешила. Они обсуждали ребёнка, которому нужно было забрать ноты, и ремонт в музыкальной школе. Вера слушала краем уха. Кирилл сел напротив, и узкий стол вдруг показался слишком маленьким: его колено оказалось рядом с её коленом, но не коснулось. Он не делал ничего особенного, а ей хотелось вспомнить, какого цвета у него глаза при ярком свете, и одновременно хотелось перестать его рассматривать.

— Я заказал кофе, — сказал он. — Тебе ещё что-нибудь взять?

— Нет, спасибо.

— Ты ела?

— Я держу булочку.

— Хороший аргумент.

Он дождался своего стакана и вернулся. Когда ставил его на стол, крышка чуть сместилась. Вера успела придержать край, и несколько капель попали ей на пальцы. Кирилл сразу взял салфетку.

— Горячо?

— Нет.

Он не отпустил её руку мгновенно, но и не удерживал. Просто вытер капли, затем спросил взглядом, всё ли нормально. Вера кивнула. Прикосновение длилось пару секунд; она ощущала его ещё долго после того, как положила руку на колени.

Яна рассказывала Максу о городском фестивале. Он отвечал, что клуб хотел бы поставить лодку на площадке у набережной, если удастся получить место и если дети сами захотят рассказывать о тренировках. Они спорили, сколько времени нужно на перевозку, и Вера вдруг подумала, что дома всё движется и без неё: фестивали, занятия, чужие дети, которые выросли за те годы, пока она приезжала только на короткие праздники.

— Я пропустила много, — сказала она, когда Яна с Максом ушли к прилавку за ещё одной булочкой.

— Да, — ответил Кирилл.

Её удивило отсутствие привычного утешения.

— Обычно люди говорят: «Ничего страшного, всё по-прежнему».

— Было бы неправдой. Я тоже пропустил многое у тебя.

— Ты мог спросить.

— Мог. И ты могла рассказать. Мы уже выяснили, что оба неплохо умеем молчать.

Она хотела возразить, но на этот раз не стала. Через окно было видно, как первые капли ложатся на дорогу, оставляя на пыли тёмные точки.

— Я устроилась в мастерскую на втором курсе, — сказала Вера. — Сначала разбирала чужие чертежи и считала, что меня взяли по ошибке. Потом мне поручили маленький проект школьного двора. Я три дня не могла решить, где поставить скамью, потому что боялась ошибиться.

— И где поставила?

— Там, где дети уже сидели на низкой стене. Только с навесом от дождя.

— Хорошее решение.

— Мне пришлось его переделать. В первый раз я не заметила, что скамья перекрывает путь к двери. Дети продолжили сидеть на стене.

Он рассмеялся, потом спросил:

— Ты переделала и они стали сидеть на скамье?

— Не все. Но двое учителей больше не спорят, кто оставил дверь открытой, потому что дверь теперь никому не мешает.

— Это похоже на тебя.

— На какую? Которую ты помнишь или которую не видел пять лет?

Кирилл посмотрел на неё серьёзно.

— Я пока не знаю. И не хочу притворяться, будто знаю.

Ответ задел и успокоил одновременно. Она не хотела быть чужой фантазией о прошлом. Но и признать, что он знает о ней меньше, чем случайный коллега, было больно.

— Ты можешь спросить ещё, — сказала она.

— Спрошу. Только не всё сразу.

Она поймала его взгляд и удержала дольше, чем собиралась. Рядом с ним было легко вспомнить, как они когда-то касались друг друга без оглядки на время. Она хотела узнать, каково это теперь, когда у обоих появились новые привычки и причины осторожничать. Это желание ощущалось почти физически: тянуло приблизиться, положить ладонь ему на шею, проверить, узнает ли он её так же быстро, как она узнала его руки на лестнице.

Кирилл отвёл взгляд к окну. Вера поняла: он тоже почувствовал паузу. Она не была уверена, следует ли радоваться тому, что он ничего не сделал, или сердиться на него за это.

— Вечером будет сильный дождь, — сказал он. — Проверь, закрыто ли у твоей мамы окно на кухне. Его всегда вело от ветра.

— Его заменили два года назад.

— Вот ещё одно пропущенное событие.

— Можешь вычеркнуть из списка тревог.

— А что оставить?

Она улыбнулась.

— Понятия не имею. Составь новый список и принеси мне на проверку.

Вернулись Яна с Максом. Пекарня наполнилась людьми, которые спасались от дождя; свободные стулья исчезли, а дверь почти не закрывалась. Вера посмотрела на часы. До автобуса оставалось шесть минут, но он мог задержаться из-за погоды.

— Я провожу, — сказал Кирилл.

— Я иду в ту же сторону, — добавила Яна с таким невинным выражением, что Вера сразу поняла: она вовсе не собирается помогать им найти минуту наедине.

На остановке навес оказался занят двумя женщинами с пакетами и мальчиком в яркой шапке. Кирилл встал с краю, пропуская Веру внутрь. Она могла бы разместиться рядом с Яной, но та уже разговаривала по телефону. Вера осталась возле Кирилла. Его плечо закрывало её от дождя; когда порыв ветра сменился, она увидела мокрые пятна на рукаве его куртки.

— Ты промокнешь.

— Тогда дашь мне свою папку в качестве зонта.

— Она не рассчитана на такие нагрузки.

Он подвинулся ближе. Между их плечами осталось ровно столько места, чтобы никто не коснулся другого случайно. Вера знала, что достаточно повернуться — и она окажется у него в руках, если он тоже этого хочет. Судя по тому, как он смотрел на неё, хотел.

Автобус показался за поворотом. Яна убрала телефон и встала у края тротуара. Вера всё ещё смотрела на Кирилла.

— До завтра, — сказала она.

— До завтра.

Он не попросил её остаться. Она не попросила его поехать с ней. Когда автобус тронулся, Вера обернулась: Кирилл уже открывал зонт для женщины с мальчиком, которому предстояло идти обратно к каналу. Она села рядом с Яной и положила папку на колени.

— Я ничего не скажу, — объявила подруга.

— У тебя получилось слишком выразительное молчание.

— Я тренируюсь.

Вера посмотрела в окно. На стекле собирались длинные дождевые полосы. Она знала, что завтра они снова встретятся в эллинге, где начнут с крыши и схем. Но теперь в этом ожидании было не только раздражение и старые вопросы. Было желание, которому она пока не дала ни имени, ни обещания — и от которого не собиралась прятаться вечно.

Глава 4. то, что осталось

На следующий день дождь начался до рассвета и не собирался прекращаться. Вера пришла к эллингу в резиновых сапогах, с папкой под курткой и намерением проверить водосток, пока вода показывает все ошибки честнее любой схемы.

Дверь оказалась открыта. Изнутри доносились шаги и стук вёдер.

— Только не говори, что крыша решила закончить ремонт без нас, — сказала она, входя.

Кирилл стоял на лестнице с рулоном плотной плёнки. Под ним Макс держал край материала, а Надежда Сергеевна переставляла ведро, которое наполнялось слишком быстро.

— Хорошая новость, — сказал Макс. — Мы нашли четвёртое место.

— Плохая? — спросила Вера.

— Оно большое.

Она оставила папку у входа и поднялась на деревянный настил, откуда открывался вид на балки. Плёнка не была ремонтом, только способом пережить дождь. Вода стекала по соединению и попадала на пол рядом со стойкой, где обычно сушили спасательные жилеты.

— Сдвиньте стойку, — сказала она. — И всё, что на нижней полке.

Кирилл спустился, и они с Максом перенесли стойку к стене. Надежда Сергеевна выключила освещение на повреждённой стороне. Вера проверила, куда уходит вода по настилу, и увидела тонкую струю, направлявшуюся к распределительной коробке.

— Сюда не подходите. Надежда Сергеевна, электрика уже звали?

— Он в пути. Сказал ничего не включать.

— Отлично. Макс, нужна ещё ёмкость и тряпки. Кирилл, подержи фонарь отсюда, только не заходи на мокрую часть.

Он подчинился без спора, и это почему-то удивило её больше, чем если бы спорил. Луч света скользнул по доскам. Вера увидела трещину в желобе под карнизом: вода попадала внутрь не только сверху, но и через стык.

— Здесь нужно временно перенаправить поток, — сказала она. — Плёнку можно закрепить выше, но сначала пусть электрик проверит, безопасно ли работать рядом.

Кирилл светил, пока она фотографировала. В какой-то момент он приблизился, чтобы лучше осветить стык. Его дыхание коснулось её виска, и Вера слишком отчётливо ощутила, как мало между ними расстояния. Она сосредоточилась на экране. Неровная линия водостока, тёмное пятно, капля, упавшая на край кадра. Всё, что можно было измерить и назвать.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно.

— Здесь есть сухая куртка.

— Сначала закончим.

— Она на крючке. Это не приказ.

Вера обернулась. Он стоял так близко, что ей не пришлось бы делать шаг, чтобы коснуться его. На его нижней губе осталась маленькая светлая полоска — старая привычка прикусывать губу, когда он сосредоточен. Он заметил её взгляд и не улыбнулся.

— Кирилл.

— Я знаю.

— Ты не знаешь, что я собираюсь сказать.

— Вероятно, что нам нужно проверить желоб.

— Именно.

Они оба отступили одновременно. От этого стало смешно, но Вера не засмеялась: смех мог выдать слишком многое.

Электрик приехал через полчаса, осмотрел коробку и подтвердил, что вода не попала внутрь. Он предложил временно изолировать участок, пока кровельщики не устранят течь. Зорин, которому Надежда Сергеевна сообщила о повреждении, прислал номер подрядчика, готового приехать на осмотр. Он не предлагал оплатить ремонт и не требовал решения в обмен; просто сказал, что подрядчик уже работает на соседнем складе и может заехать после обеда.

— Тебя это не смущает? — спросил Кирилл, когда Надежда Сергеевна записала номер.

— Смущало бы, если бы он прислал договор с пустой ценой, — ответила Вера. — Осмотр нас ни к чему не обязывает. Но мы должны получить письменное предложение и сравнить его с другими.

— Снова документы.

— Снова.

Подрядчик подтвердил, что желоб и часть покрытия нужно менять. Вера попросила его отдельно указать стоимость временных работ и постоянного ремонта. Он пообещал прислать расчёт. К вечеру дождь ослаб, и воду удалось отвести в приготовленные ёмкости.

Когда подрядчик уехал, Вера не стала сразу убирать рулетку. Вода на время перестала капать с балки, но от внешней стены всё ещё тянуло холодом. Ей хотелось посмотреть на место со стороны двора, пока след дождя не высох.

— Я пройду вокруг здания, — сказала она Надежде Сергеевне. — Если через десять минут не вернусь, позвоните.

— Я пойду с тобой, — отозвался Кирилл.

Вера уже хотела сказать, что может справиться одна. Но двор был скользким, а ей требовалось одновременно держать фонарь, блокнот и смотреть на стык у карниза. Она кивнула.

— Только без соревнования, кто быстрее найдёт проблему.

— Тогда у меня нет шансов. Ты уже нашла четыре.

Они вышли через боковую дверь. Дождь измельчал до почти невидимой водяной пыли. За эллингом между стеной и забором оставалась узкая дорожка; старая бочка под водостоком наполнилась до краёв и переливалась на землю.

Кирилл поднял решётку и обнаружил под ней плотный слой мокрых листьев. Вера присела рядом, освещая место телефоном. Вода уходила слишком медленно, и на нижней доске стены уже виднелась тёмная полоса.

— Если расчистить решётку, проверим, уйдёт ли вода, — сказала она. — Но сначала нужно понять, не повреждён ли водоотвод ниже.

— У меня есть перчатки и крюк.

Он принёс их из сарая. Вера держала фонарь, пока он вытаскивал мокрую листву. На третьем движении крюк задел что-то твёрдое: под листьями застрял кусок древесины, а за ним — обрывок старой сетки. Когда Кирилл убрал оба предмета, вода с шумом пошла в отверстие.

— Это не доказывает, что весь отвод исправен, — сказала Вера.

— Я уже усвоил эту фразу.

— Отлично. Ты получишь её ещё раз в письменном отчёте.

Он выпрямился и снял одну перчатку. Прядь волос упала ему на лоб. Вера потянулась убрать её, не подумав. Её пальцы коснулись его виска, и они оба замерли.

Она могла сказать, что просто хотела помочь. Могла сделать вид, что не заметила, как он посмотрел на её губы. Но с самого утра между ними накопилось слишком много таких секунд, в которых желание пряталось за полезным действием.

— Я всё время ищу повод тебя коснуться, — сказала Вера.

Кирилл медленно опустил крюк. На металле дрожала капля.

— Я заметил не каждый раз.

— Некоторые были очень профессиональными.

— Особенно когда ты хотела проверить мою способность стоять на мокром полу.

— Это важный показатель.

Он улыбнулся, но она увидела, как напряглась его челюсть. Он тоже не был спокоен. От этого осознания у неё внутри стало жарко, хотя одежда отсырела, а воздух пах холодной древесиной.

— Я хочу тебя поцеловать, — сказала она. — Но не хочу, чтобы мы решили за минуту то, о чём молчали пять лет.

— Я не думаю, что поцелуй решит за нас.

— Я тоже. И всё равно боюсь, что завтра мы сделаем вид, будто он что-то пообещал.

Кирилл посмотрел на её руку, всё ещё поднятую к его волосам. Не убрал её и не притянул ближе.

— Тогда можно не торопиться, — сказал он. — И можно прямо сказать завтра, если что-то будет непонятно.

— Ты сейчас очень рассудительный.

— Это тяжёлая работа.

Она коснулась его щеки. Кожа была холодной от дождя, а под её ладонью быстро согрелась. Кирилл закрыл глаза на секунду и накрыл её руку своей. Её желание не стало меньше от того, что он не пытался воспользоваться моментом. Наоборот: она ощутила, насколько сильно хочет его близости — не случайной, не вырванной из разговора, а такой, в которой оба могут остановиться.

Из-за забора послышалось тихое скуление. Вера обернулась. Под навесом соседнего склада сидела собака с мокрой верёвкой на ошейнике. Верёвка запуталась вокруг низкой трубы, а сама собака не могла выйти из-под стекающей с крыши воды.

— Она здесь давно? — спросила Вера.

— Не знаю. Вчера её не было.

Кирилл отступил на шаг, и Вера неожиданно ощутила потерю тепла там, где только что стоял он. Она заставила себя сосредоточиться на собаке. Та выглядела настороженной, но не рычала; при приближении Кирилла попятилась ещё глубже.

— Не будем тянуть, — сказала Вера. — Возможно, она испугается сильнее.

Они позвали работника склада. Тот узнал собаку: её звали Рыжая, она принадлежала соседке, которая иногда привязывала её у ворот, пока носила коробки. Сегодня собака сорвалась с места и запуталась за навесом. Работник сходил за хозяйкой, а Вера осталась у забора, чтобы Рыжая не ушла дальше, если освободится.

Кирилл принёс пустую миску и немного воды. Собака сначала не подходила, потом заинтересовалась. Хозяйка вернулась с поводком и спокойно позвала её. Рыжая вылезла, позволила снять запутавшуюся верёвку и прижалась к её ногам. Женщина поблагодарила их и пообещала больше не оставлять собаку одну у ворот.

— Моя героическая карьера сегодня ограничилась миской, — заметил Кирилл, когда они остались вдвоём.

— И тем, что ты не полез к испуганной собаке руками.

— Ты считаешь это подвигом?

— Считаю, что не каждую ситуацию нужно решать силой.

Он посмотрел на неё. За этой фразой стоял их разговор о прошлом, хотя она не собиралась превращать собаку и решётку в метафору отношений. Кирилл, кажется, тоже понял и не стал объяснять.

— Надежда Сергеевна ждёт нас, — сказал он.

Вернувшись в эллинг, они обнаружили, что директор разговаривает с женщиной и девочкой у входа. Девочка держала пластиковую коробку с медалями и старательно не смотрела на взрослых.

— Это Даша, — представила её Надежда Сергеевна. — Она тренируется у Ольги. У неё вопрос про соревнования, а я пока не могу ответить.

Мать девочки объяснила: они собирались поехать на летнюю регату, но после рассказов о ремонте Даша решила, что соревнований не будет. Вера узнала в её голосе тот осторожный тон, с которым родители сообщают о детской тревоге, не желая унизить ребёнка перед другими.

— Я не говорила, что не будет, — возразила Даша. — Я сказала, что нам могут не разрешить выходить из эллинга.

— Это другой вопрос, — согласился Кирилл. — Сейчас мы проверяем крышу и проход. Если участок окажется небезопасным, занятия перенесут или изменят. Но решение по регате ещё не принято.

— Значит, вы не знаете?

— Не знаем. Как только узнаем, скажем.

Даша опустила глаза на коробку. Вера присела рядом.

— А можно посмотреть медали?

Девочка открыла крышку. Внутри лежали две медали и маленькая наклейка с лодкой. Одна лента запуталась. Даша попыталась расправить её, но узел затянулся сильнее.

— Я могу помочь? — спросила Вера.

— Можете попробовать.

Они вместе распутали ленту. Вера увидела на обороте гравировку: школьные соревнования прошлого года. Даша рассказала, как опоздала на старт разминки, потому что потеряла одну перчатку, и как Ольга заставила её сначала попить воды, а потом уже бежать к команде.

— Я тогда думала, что из-за меня все проиграют, — сказала она. — Но мы заняли второе место.

— А что было бы, если бы заняли последнее?

Даша задумалась.

— Я бы расстроилась. Потом пошла бы на тренировку.

Вера невольно улыбнулась. Ей захотелось спросить, откуда у ребёнка эта способность разделять неудачу и всю остальную жизнь. Но вместо этого она спросила, что Даша хотела бы видеть у воды после ремонта.

— Скамейку, на которой можно завязывать шнурки. И чтобы никто не ставил на неё мокрые вёсла.

— Второе сложнее, — заметил Кирилл.

— Тогда две скамейки, — сказала Даша.

Все рассмеялись. Вера записала предложение и попросила разрешения позже показать ей варианты. Даша согласилась, но предупредила, что не любит слишком высокие сиденья: ноги не достают до земли.

Когда мать с дочерью ушли, Надежда Сергеевна сложила на столе фотографии протечек. Она попросила Кирилла перенести две папки в сухую комнату; Вере предложила проверить, всё ли снимки читаемы. Они работали рядом, но случайных прикосновений больше не искали. Вера замечала, как он проходит через комнату, как ставит коробки на пол и осторожно сгибает пальцы после мокрых перчаток. От этих наблюдений ей хотелось бросить работу и вернуться в узкий проход за зданием. Она не бросила. Ей было важно, чтобы желание не превращало всё остальное в фон.

В одном из кадров обнаружилась чужая ладонь у края: Кирилл держал линейку рядом с пятном на доске. Вера увеличила изображение. На запястье осталась тонкая красная линия от ремешка часов.

— Нормально видно? — спросил он из-за её плеча.

— Да. Только рука закрывает сантиметровую отметку.

Он наклонился ближе. Вера ощутила тепло его тела прежде, чем их плечи соприкоснулись. На экране проступали мокрые волокна дерева, но она смотрела на отражение его лица в тёмном углу дисплея.

— Можем переснять, — сказал он.

— Дождь почти закончился.

— Тогда это даже удобнее.

Она повернула голову. Он был совсем близко. Ей захотелось сказать, что фотография подождёт, и потянуть его за ворот свитера. Вместо этого она вдохнула и спросила:

— Кирилл, ты тоже сейчас не думаешь о линейке?

— Не только о ней.

— Хорошо. Я боялась, что это происходит только со мной.

Он убрал руку с края стола, освобождая ей пространство, но не отошёл.

— Со мной тоже. И довольно давно.

Она рассмеялась — тихо, чтобы не услышала Надежда Сергеевна в соседней комнате. Их откровенность не заставляла немедленно что-то делать. Но в ней было столько напряжения, что Вера почувствовала его в каждом вдохе.

— Я хочу закончить работу, — сказала она. — Потом хочу поговорить с тобой без того, чтобы между нами стояла камера.

— Договорились.

Он взял линейку и вместе с ней вышел к стене. Они пересняли пятно, проверили отметку и вернулись. Фотография получилась яснее прежней. Вера сохранила оба кадра, подписала время и место, после чего убрала телефон.

Она подумала, что именно сейчас их желание стало труднее спрятать: не потому, что кто-то коснулся другого, а потому, что они впервые назвали его вслух и остались рядом. Надежда Сергеевна вернулась с чашками чая. Вера взяла одну, стараясь не смотреть на Кирилла слишком долго. Он тоже взял чай и, проходя мимо, чуть задел её пальцы. Этого хватило, чтобы всё тепло, которое она пыталась сохранить для себя, снова поднялось к лицу.

Надежда Сергеевна отпустила всех домой. Макс ушёл первым: его дочь ждала на занятиях в музыкальной школе, а он уже дважды переставлял будильник. Кирилл остался закрывать эллинг. Вера складывала рулетку в сумку, когда он принёс ту самую сухую куртку.

— Ты оставила свою на перилах. Она промокла.

Куртка была его: тёмная, с вышитым названием клуба на груди. Вера надела её, и рукава оказались длинными. Пахло стиральным порошком, деревом и чем-то неуловимо знакомым. Он не подходил ближе, пока она застёгивала молнию.

— Верну завтра, — сказала она.

— Можно не завтра.

Они вышли под навес. Дождь стучал по крыше мягче, чем утром. Между складом и эллингом натянули ленту, чтобы никто не проходил под повреждённым желобом.

— Ты всё время держишь запасной сухой комплект? — спросила Вера.

— С тех пор как одна девушка в семнадцать лет решила, что дождь — это преувеличение синоптиков.

— Она была права. Это был не дождь, а небольшой потоп.

— Она ещё упала в воду, пытаясь доказать, что причал не скользкий.

— Потому что кто-то сказал, что я боюсь.

— Кто-то тогда был очень глупым.

Вера повернулась к нему. Он смотрел на дождь, но его голос стал тише.

— Я не помню, чтобы ты извинился.

— Я принёс тебе чай.

— Это не извинение.

— Знаю. Мне жаль, что я тебя поддразнивал. И за чай тоже: он был отвратительный.

Она улыбнулась. Он увидел и тоже улыбнулся. В тёплом полумраке навеса это казалось опаснее, чем их спор о проекте.

— Тебе было не всё равно, — сказала она.

— Да.

Одно слово. Без обходных путей, без обещаний, что всё будет как раньше. Вера подошла ближе и остановилась, оставив между ними расстояние, на котором ещё можно было передумать.

— Мне тоже не всё равно, — сказала она. — Но я не знаю, что с этим делать.

Кирилл поднял руку и коснулся мокрой пряди у её виска. Не убрал её сразу, только посмотрел, позволяет ли она. Вера не отстранилась. Его пальцы скользнули к щеке, и от этого лёгкого прикосновения у неё сбилось дыхание.

— Ничего не нужно делать сейчас, — сказал он.

Она могла бы согласиться. Могла бы уйти к автобусу, сохранить всё в ясных границах и завтра обсуждать желоб. Вместо этого положила ладонь ему на грудь и почувствовала под свитером быстрый стук сердца.

— Хорошо, — прошептала она. — Но я хочу тебя поцеловать.

Он наклонился, оставив ей последнюю возможность отступить. Она не отступила.

Поцелуй был коротким только первые несколько секунд. Потом Кирилл придвинулся ближе, и Вера сжала ткань его свитера. Она чувствовала прохладу дождя на его волосах и тепло губ; всё, что казалось аккуратно сложенным за пять лет, стало беспорядочным и живым. Он оторвался первым, прижавшись лбом к её лбу.

— Это не отменяет разговор, — сказал он.

— Знаю.

— И не означает, что ты должна остаться.

— Кирилл, если ты сейчас начнёшь составлять условия поцелуя, я уйду.

— Я могу остановиться.

— Нет. Ты можешь перестать говорить.

Она поцеловала его снова. На этот раз он засмеялся ей в губы, а потом обнял так, что ей пришлось опереться на его плечо. Дождь закрывал двор ровной серой стеной; где-то за ней проехал автобус. Вера услышала его слишком поздно.

— Мой автобус, — сказала она.

— Я отвезу.

— У тебя велосипед.

— Тогда я провожу до следующего.

До следующего автобуса оставалось почти двадцать минут. Кирилл посмотрел на расписание на телефоне, потом на дождь, словно мог договориться с ним о перерыве.

— У остановки нет навеса, — сказал он. — Пойдём к старому павильону. Там хотя бы можно стоять, не считая капли за шиворотом.

— А твой велосипед?

— Под крышей. Мы вернёмся.

Вера пошла рядом. Его куртка по-прежнему была на ней; длинный рукав закрывал половину ладони. На узком участке дорожки Кирилл коснулся её спины, показывая, где доски мокрее. Она видела их и сама, но не отстранилась. После поцелуя каждое прикосновение словно получало собственное продолжение, хотя ни одно не требовало ответа.

У понтона они остановились. Вода поднялась выше дневной отметки. Верёвка, которой крепили маленькую лодку, провисла между кольцом и бортом; течение поворачивало лодку так, что нос медленно приближался к бетонной ступени.

— Странно, — сказал Кирилл. — Мы подтягивали её перед дождём.

Он присел, проверил узел и обнаружил, что мокрая верёвка выскользнула из старого кольца: металл давно разошёлся в месте сварки. Пока лодку удерживал второй швартов, но тот натянулся почти до упора.

— Нужна помощь? — спросила Вера.

— Да. Подержи фонарь на ступенях, только не подходи к краю. Я перезавяжу на дальнее кольцо.

Он не стал утверждать, что справится без неё. Вера включила фонарь телефона и направила свет туда, где он ставил ноги. Кирилл проверил доски, прежде чем перенести вес, достал из кармана рабочие перчатки. Под дождём всё выглядело ближе и темнее, чем было на самом деле; маленькая лодка поворачивалась на воде медленно, но сила натяжения ощущалась даже издалека.

— Натянуть сильнее? — спросил он.

— Я не специалист по узлам.

— Я спрашиваю не про узел. Посмотри, есть ли запас, когда лодка качается.

Она присела там, где он указал, и осветила крепление. На верхней точке движения верёвка почти выпрямлялась.

— Ещё немного. Но не до конца. При подъёме воды ей понадобится свободный ход.

— Согласен.

Он подтянул и закрепил верёвку. Затем они вместе дождались, пока течение развернёт лодку, и проверили, что нос больше не касается ступени. Кирилл осторожно вернулся на сухую часть дорожки.

— Кольцо надо снять с использования, — сказала Вера.

— Завтра отмечу лентой и сообщу Надежде Сергеевне. Сегодня она уже ушла, но напишу сейчас, чтобы не забыл.

Он достал телефон, набрал короткое сообщение и убрал его. Вера посветила на разошедшийся металл, сделала снимок и отправила ему.

— Чтобы не пришлось объяснять на словах.

— Спасибо.

— И это не повод считать весь понтон опасным. Надо проверить остальные кольца.

— Ты только что спасла меня от красивого обобщения.

— Я стараюсь.

Они дошли до павильона, который раньше был билетной кассой для прогулочных катеров. Теперь окна заколотили, но глубокий карниз по-прежнему защищал от дождя. Вера прислонилась к сухой стене. Кирилл встряхнул волосы, и несколько капель упали ей на рукав.

— Извини.

— Ты сегодня очень часто извиняешься.

— Я учусь.

— Получается неплохо. Но можешь не извиняться за каждую каплю.

Он повесил перчатки на выступающий крюк и подошёл к ней. На этот раз не было ни лестницы, ни мокрой верёвки, ни причины касаться её по работе. Только они двое, узкая полоска света от фонаря на улице и дождь за карнизом.

— Ты дрожишь, — сказал Кирилл.

— Я всё ещё не уверена, от холода ли.

Он улыбнулся. Вера заметила, как взгляд задержался на её губах, и позволила себе не отводить глаза. Ей нравилось то, как он не торопится брать то, что она ещё не предложила; нравилось и то, что под этим спокойствием она чувствовала напряжение.

— Я могу тебя обнять? — спросил он.

— Можешь.

Он обнял её поверх собственной куртки. Вера прижалась к нему, чувствуя плотную ткань свитера и тепло под ней. Она слышала его сердце, когда положила голову ему на грудь. Ветер пытался загнать дождь под карниз, но здесь было сухо.

— Я помню этот павильон, — сказала она. — Здесь продавали билеты на экскурсии. Ты однажды пытался убедить кассира, что лодка клуба тоже считается туристическим транспортом.

— Я хотел получить скидку на лимонад.

— Ты сказал, что экскурсия по каналам проводится силами семьи Ланских.

— И она почти поверила.

— Пока твой отец не спросил, почему касса должна платить тебе за то, что ты собирался сделать бесплатно.

Кирилл засмеялся, но потом притих. Вера чувствовала, как он собирается что-то сказать и не находит начала. Она не подталкивала. Некоторое время они слушали воду в желобе.

— После его смерти я перестал ходить сюда один, — произнёс он. — Здесь слишком много мест, где он должен был стоять.

Вера чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо.

— Ты не рассказывал.

— Я и себе не очень признавался. Было проще приходить с командой. Кто-нибудь обязательно опаздывал или забывал весло, и я занимался этим вместо того, чтобы думать.

— А сегодня?

— Сегодня я здесь с тобой.

Он сказал это тихо. Вера ощутила внезапную нежность, такую сильную, что она могла бы стать жалостью, если бы Кирилл не смотрел на неё с явным, почти упрямым желанием. Он не просил спасти его от прошлого. Он хотел быть с ней в эту минуту, в дождь, под кривым карнизом.

Она подняла руку к его щеке. Под пальцами чувствовалась неровность щетины. Он прикрыл глаза, затем снова посмотрел на неё.

— Я скучала по тебе, — сказала Вера. — Иногда так сильно, что сердилась на себя.

— Я тоже. Особенно когда был уверен, что ты давно перестала.

— Я могла бы сказать.

— Могла. Я тоже мог спросить.

Они не стали снова разбирать, кто из них первым закрыл дверь. Вера уже знала: этот разговор ещё понадобится. Сейчас ей хотелось поцеловать его без попытки исправить поцелуем все пять лет.

Она потянула его к себе за ворот свитера. Кирилл отозвался сразу, но в его движении оставалась осторожность. Вера коснулась губами его губ, почувствовала, как он выдыхает, и поцеловала ещё раз — медленнее. Его ладонь легла ей на талию; другая осталась на стене, рядом с её плечом, и он не загонял её в тесное пространство. Она сама придвинулась ближе.

Ей нравилось узнавать его и одновременно замечать новое: то, как он задерживает дыхание, когда она касается шеи, как проводит пальцами по спине сквозь куртку и сразу ослабляет объятие, если она меняет положение. Вера положила ладонь ему на грудь, чувствуя тепло и быстрый ритм. Когда он отстранился, чтобы посмотреть на неё, она не успела скрыть улыбку.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто ты смотришь так, будто я могу исчезнуть, если ты моргнёшь.

— Я проверяю, всё ли в порядке.

— В порядке.

— Точно?

Вместо ответа она поцеловала его снова. Он тихо рассмеялся и коснулся лбом её лба. Вера чувствовала, как мокрые концы его волос задевают её висок. С улицы донёсся шум шин; машина прошла по дороге, оставив за собой белую полосу воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.